

Проект
СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО

Дозоры

Николай Желунов

ДОЗОРЫ
НЕ РАБОТАЮТ ВМЕСТЕ

Дозоры

Николай Желунов

Дозоры не работают вместе

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Желунов Н.

Дозоры не работают вместе / Н. Желунов — «АСТ»,
2015 — (Дозоры)

ISBN 978-5-17-089058-3

Холодной осенью 1961 года в Москве загадочным образом один за другим исчезают Иные. Нить расследования приводит молодого Светлого мага к подробностям тайной жизни города, от которых стынет в жилах кровь. Как наш мир оказался на грани катастрофы? Почему Инквизиция запретила Дозорам использовать магию? И, наконец, – какая страшная угроза заставила объединиться непримиримых врагов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089058-3

© Желунов Н., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Часть 1	6
I	6
II	13
III	24
IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Николай Желунов

Дозоры не работают вместе

© И. Желунов, 2015

© С. Лукьяненко, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Данный текст беспокоит и удручает силы Света.
Ночной Дозор

Данный текст беспокоит и удручает силы Тьмы.
Дневной Дозор

Часть 1

Ультиматум

I

СССР, Москва,

8 сентября 1962 года

В парке имени Горького на лавочке под шелестящими ивами сидели двое – красивая молодая женщина в синем шелковом платье и коренастый лысеющий мужчина лет сорока пяти в легком летнем костюме от «Большевички».

Солнце лениво валилось к горизонту, и река за гранитной кромкой набережной уже заискрилась золотыми вечерними бликами. Неподалеку на танцплощадке оркестр играл вальс. Воскресенье, единственный выходной на неделе, заканчивалось – и о необходимости возвращаться завтра с утра на работу думать не хотелось.

– Ты не голодна, Томочка? – спросил мужчина, складывая газету в карман.

Женщина повернулась к нему, с улыбкой покачала головой. Ее темные волосы были уложены в замысловатую прическу, над губой темнела родинка.

– Знаешь, Миша, с каким удовольствием я бы осталась тут с тобой, на лавочке в парке, насовсем. Глядеть на воду, на птиц, держать тебя за руку, слушать шелест ветра... Никуда не рваться, ничего не желать...

– А я бы с удовольствием перекусил сейчас, – крикнул Миша и завертел головой в поисках кафе. В конце аллеи прохаживались пары. В той стороне, на площади, крутились аттракционы, звучала музыка, лилась рекой жизнь. Тамара звонко рассмеялась, провела рукой по розовой круглой щеке своего спутника.

– Мне просто хорошо с тобой, понимаешь?

– Я люблю тебя, Томочка, – сипло сообщил Миша в ответ на ухо женщине, – люблю до смерти. Но надо же иногда кушать. Хоть червячка в животе заморить.

– Что ж... я бы съела сейчас мороженое. – Тамара лениво потянулась, как угревшаяся на солнышке кошка.

– Эскимо, пломбир? – Миша уже был на ногах.

– Без разницы.

– А ужинать все равно поедем в «Прагу»! – крикнул он уже на ходу.

Тамара снова рассмеялась. Михаил любил жить на широкую ногу. Несколько раз в неделю они ужинали в ресторанах – и повсюду у мужа имелись связи, столик в резерве и спецобслуживание. Они были женаты четыре года и каждое лето выезжали в лучшие здравницы Абхазии, Сочи и Крыма. Михаил никогда не отказывал жене ни в чем – и Тамара ценила это.

«Вот бы автомобиль, – соскальзывая в дрему, успела подумать женщина. – День рождения у меня в декабре... интересно, купит или нет? Придется учиться водить. Пустяки, научусь...»

Она вздрогнула, открыла глаза – и зажмурилась от яркого света. Солнце успело коснуться крыши многоэтажного жилого дома за Москвой-рекой и теперь светило прямо в лицо.

– Миша?

На аллее было малолюдно. Тамара нашла в сумочке часы: двадцать пять минут восьмого. «Когда мы присели отдохнуть на лавку, стрелки показывали почти семь. Мы немного поболтали, затем Мишка пошел за мороженым, а я, должно быть, уснула. Где же он так долго?..»

Тамара нерешительно зашагала в сторону танцплощадки.

«Я дремала минут пятнадцать или двадцать... разве возможно столько простоять в очереди за мороженым?»

Она обошла площадь, вглядываясь в лица. На площади обнаружились сразу три киоска, торгующих мороженым, но у каждого собралось едва ли пять человек. Где же Мишу носит? Постой. Он, наверное, сейчас вернулся к лавке, принес эскимо – а там никого. Тамара поспешила обратно на аллею... но скамейка была пуста. Несколько желтых листьев лежали на истертом деревянном сиденье, выкрашенном облупившейся белой краской.

– Что-то случилось, дочка? – участливо спросила пожилая женщина в красной косынке.

– Да ничего, собственно, – дрогнувшим голосом проговорила Тамара, – хотя, постойте... вы не видели тут только что мужчину в костюме и с мороженым? Газета в кармане, галстук такой серенький.

– Серенький? С мороженым? Нет, не видала.

– Ох... извините, пожалуйста, за беспокойство.

– Ничего, ничего.

Вот глупо-то как вышло. Потерялась, словно первоклашка какая-нибудь.

Тамара вернулась на площадь с аттракционами. Здесь все куда-то спешили или толкались в очередях. Девушки в босоножках и легких платьях, мальчишки с горящими щеками, белозубые студенты в массивных очках, рабочая молодежь, военные в блеске медалей – людской водоворот гремел взрывами смеха, выпускал облака едкого папиросного дыма, и где-то хором пели «Я люблю тебя, жизнь», невпопад жарила плясовую гармошка, и громко звали какого-то Борьку. Стайка фабричных девчонок в очереди к тележке «Мосводторга» с любопытством смотрела на Тамару.

– Смотри, платье какое, шик. Артистка, должно быть... а бледная-то, страсть...

Чувствуя себя брошенной и беззащитной, Тамара отошла в сторону. У билетной кассы «комнаты смеха» покачивался с пятки на мысок постовой в белой фуражке; он с влажным интересом разглядывал длинные ноги нашей героини, шевеля пепельными усами.

– Скажите, пожалуйста, товарищ, – набравшись смелости, обратилась к усачу Тамара, – вы не видели тут моего мужа?

Она как могла описала внешность Миши.

– Тут, гражданочка, таких мужей, – постовой зевнул, – по миллиону в час шастает. Всех не упомнишь.

– Может быть, нужно сделать объявление через громкоговоритель? Сказать, что я жду его здесь.

– Это вам к администратору. Да только он как пить дать уже домой сбежал.

– Что же мне делать?

– Зачем же что-то делать? – удивленно поднялись под фуражкой усы. – Он у вас, чай, не мальчик, сам найдет дорогу до дома. Езжайте и вы, там и встретитесь.

Тамара послушно зашагала к выходу из парка. В легком оцепенении прошла гудящий клаксонами автомобилей Крымский мост и оказалась в вестибюле метро. С трудом нашарила в сумке пятак (все деньги остались у мужа), уронила его в аппарат и спустилась по эскалатору под землю. «Разумеется, Миша уже поджидает меня дома, – подумала она. – Иначе и быть не может. Если бы с ним что-то случилось в парке, это привлекло бы внимание милиционера. Господи, я ведь всего-то десять минут не видела его, и вот...» Вагон громыхал и раскачивался на ходу, проносясь через тускло подсвеченную черноту тоннеля. Вокруг было множество людей, веселых, шумных и симпатичных, – но женщина вдруг остро ощутила одиночество.

Она вышла на «Кировской» и по улице Кирова почти бегом направилась к дому. Каблуки туфель глухо и часто стучали по асфальту. На крышах весело чирикали воробьи. «Конечно, Миша уже дома, – уверенно подумала она, – домчался, наверное, на такси. Сейчас я войду и попрошу у него прощения за свою глупость. А потом мы поедем в ресторан».

Вахтерша в подъезде встретила Тамару удивленным взглядом.

– Тетя Зоя, добрый вечер. Михаил Капитонович не приезжал домой?

– Не видела. Нет, еще не приезжали. А разве вы не вместе?

Тамара словно налетела на стену. Ей показалось – что-то холодное и острое вошло под сердце.

– Не видели... Представляете, мы с ним где-то потеряли друг друга в парке Горького. Он, наверное, меня ищет сейчас там. А я, глупая, домой помчалась.

– Милая моя, пустяки какие. Вернутся скоро. А может быть, они наверху уже, я-то отходила чаю налить – небось прошмыгнули.

Ну конечно, он проскочил мимо тети Зои, она уже старая и не заметила! Тамара с колотящимся сердцем побежала к лифту.

Квартира встретила ее пыльной тишиной и мягким золотым светом вечернего солнца в окне.

– Миша придет, – сказала женщина своему отражению в зеркале, – он скоро, скоро будет.

Она опустилась на край дивана и стала ждать.

Над городом сгустились сиреневые сентябрьские сумерки, а Михаил все не возвращался. Тамара зажгла свет в комнате. Загадала – муж появится в половине одиннадцатого, и они еще успеют съездить поужинать. Но в половине одиннадцатого он не появился, и в одиннадцать тоже. Миша придет до полуночи, вновь загадала Тамара. Теперь уж точно. Она не переодевалась в домашнее, не снимала туфелек – сидела и терпеливо ждала, глядя на входную дверь.

Муж не пришел в полночь. Не пришел он и в час, и в два часа. Когда старинные ходики на стене пробили три часа ночи, Тамара подошла к телефону и набрала номер дежурной части милиции (записанный на выцветшей карточке над аппаратом).

– Здравствуйте... алло, алло, товарищ... Я хочу заявить о пропаже человека. – Голос ее едва заметно дрожал. – Имя – Михаил Капитонович Монк... Монк... Мэ, О, Эн, Ка. Говорит его жена... Пропал сегодня около семи вечера. Мы гуляли в парке и... нет, не собирался... он отошел буквально на пять минут...

Мужской голос в трубке забормотал что-то долго и сердито.

– Он не пьет... много не пьет, – пробормотала смущенно Тамара. – Да поймите, это не тот случай... Пожалуйста, сообщите куда-нибудь...

Она повесила тяжелую черную трубку на рычаг и без сил опустилась на кровать. Господи, пусть бы это было правдой. Пусть Миша напился где-то с друзьями и лежит сейчас в медвытрезвителе. К утру проспит и явится домой. Пусть будет так – хотя так не бывало никогда, потому что Миша ни разу за годы их совместной жизни не напивался, он вообще пил умеренно. Однако представить какую-то иную причину его исчезновения вдруг оказалось очень тяжело. Могла его сбить машина? Но в парке нет движения транспорта. А если его забрали в милицию за что-то? Но Михаил Монк мухи в жизни не обидел. Да и позвонили бы уже домой в таком случае! Что же тогда? Сердечный приступ? Миша никогда не жаловался на здоровье... Впрочем, любые беды приключаются когда-нибудь в первый раз. Испуганная такой догадкой Тамара позвонила в справочную, записала в блокнот телефоны больниц и принялась их методично обзванивать. Потом взялась за морги. Тщетно. Фамилия Монк нигде не фигурировала. «Неопознанные» (от этого слова ей сделалось дурно) также сегодня не поступали.

Рассвет застал Тамару в лихорадочном возбуждении. В неясном белом свете утра она босиком расхаживала по гостиной, обхватив плечи руками, – высокая худая женщина с распущенными густыми волосами. Под глазами ее залегли тени.

В восемь часов она отправилась на службу в Госбанк. Весь день Тамара провела словно в полусне, механически сортируя счета и принимая звонки. Она ничего не ела, выпила только стакан воды; подолгу сидела за столом, глядя на свои белые холодные руки. Как пусто и тихо

внутри. «Боже мой, я совершенно одна во Вселенной и не представляю, просто не представляю, что теперь делать. Пусть это кончится, пожалуйста, пожалуйста...» Несколько она раз набирала номер домашнего телефона и слушала длинные – бесконечные – гудки.

Михаил не появился дома и в этот вечер. Теперь Тамара уже лично направилась в милицию – и на этот раз ее внимательно выслушали, приняли заявление и обещали приложить все возможные усилия. Теперь ей оставалось сидеть дома и ждать.

«Это я виновата, – думала Тамара, глядя в окно на серую стену дома напротив. – Зачем я столько требовала от него? Еще автомобиль какой-то захотела. Жили прекрасно без автомобиля, прожили бы еще сто лет без него. И почему я не могла пойти с ним вместе за этим дурацким мороженым? Господи, только бы с ним было все в порядке. Как может случиться такое в советской стране, чтобы среди бела дня просто-напросто исчез человек? Мог он найти себе другую женщину?»

Словно ледяная рука обхватила горло.

«Нет, нет, исключено. Он в самом деле любит только тебя, он все время говорит об этом...»

И все же – если?

После второй бессонной ночи у Тамары поднялась температура до 38 и 5, она позвонила на работу и сказала, что больна. В действительности ей не хотелось сидеть в банке, когда вернется Миша. А он не может не вернуться!

С утра зарядил дождь. По блестящей черной асфальтовой дорожке внизу суетливо пробегали люди под мокрыми зонтами. И Тамара на четвертом этаже ждала – вот-вот один из зонтов сложится, и знакомая коренастая фигура свернет к подъезду. Может быть, вот этот зонт... нет, проплыл мимо... может быть – тот? И тот мимо... «Я буду очень ждать. Очень-очень. Буду ждать сколько нужно, только пусть придет». Она почувствовала головокружение и без сил опустилась на узбекский ковер. «Нужно что-нибудь съесть, глупая. Ты же не ела ничего с воскресенья».

Тамара нашла на кухне кусок ситного хлеба и с трудом прожевала его, запивая водой. Больше никакой еды не хотелось. Она попыталась вызвать в памяти образы родителей. Мать и отец Тамары погибли в Ленинграде во время блокады, а девочку смогли эвакуировать в Вологду. Жаль, что родителей нет сейчас рядом, некому даже положить голову на плечо, поплакать в жилетку. У Тамары были друзья в студенческие годы, но после свадьбы отношения как-то незаметно со всеми оборвались. Михаил предпочитал навещать своих друзей в одиночку и никаких контактов жены с посторонними людьми не одобрял. Теперь некому даже рассказать о постигшей беде.

Усталая, разбитая переживаниями Тамара соскользнула в беспокойное болезненное забытие, сидя на кухонной табуретке.

Она очнулась от резкого звука, словно от удара в лицо. В прихожей заливался звонок. Решительно и громко!

– Миша, я иду! О Господи, я иду!

Путаясь в ногах, Тамара бросилась к двери. Непослушными пальцами сдернула цепочку. Наконец-то, ну наконец-то...

В тусклом свете электрической лампочки в коридоре стояли два милиционера в мокрых плащах и фуражках. Из приоткрытой соседской двери уже показывала длинный любопытный нос дореволюционная старушка Нина Осиповна. На лестнице внизу замерла, испуганно зажав рот рукой, тетя Зоя.

– Тамара Андреевна? Вечер добрый. Позвольте войти?

Неизвестно почему, но каждого нормального советского гражданина охватывает трепет – если не страх, – когда в его жилище вот так запросто приходят с какой-то целью представители родной милиции. Но сейчас к страху примешивалась надежда.

- Конечно, входите, пожалуйста. Извините, я сейчас оденусь...
- Муж так и не объявился?
- Нет...

Милиционеры, не разуваясь, прошли в гостиную и расположились за столом. Старший (Тамара не разбиралась в званиях, но звездочек на погонах у него было больше), светлоусый блондин, неодобрительно разглядывал небедную обстановку квартиры; его товарищ, плотненький коротыш, достал из портфеля тетрадь в черной коже, чернила, перья – и приготовился писать.

– Оперуполномоченный Колесниченко, – представился блондин, – вдвоем с супругом на данной жилплощади проживаете? Детей нет?

- Вдвоем, – кивнула Тамара.
- Приятели какие-нибудь к нему заходили? Друзья?
- Никто к нам не ходит.
- Родня?
- Я сирота. А Миша...

Тамара попыталась вспомнить хоть что-нибудь о родственниках мужа, но вдруг поняла, что ни с кем из них ни разу не виделась.

- Место службы супруга?
- Он научный работник. Минутку...

Женщина подошла к секретеру, достала удостоверение из Мишиного института, положила на стол перед следователями.

– Институт морфологии животных, – с некоторым разочарованием прочел опер. – Куда же он мог исчезнуть, ваш специалист по морфологии?

Тамара вздохнула, молча глядя на цветные узоры ковра. От усталости она едва держалась на ногах.

- Так, ну а привычки какие-нибудь вредные у вашего мужа были?

Тамара покачала головой и вдруг расплакалась. От изнеможения, от обиды на этого бесцеремонного человека, от этого жестокого слова «были», словно подводящего черту под всей ее жизнью. Опер стал кумачовым, как первомайский стяг; он сбегал на кухню за водой и помог Тамаре успокоиться. Тон его смягчился. Следователи провели в комнате еще с полчаса, задавая вопросы о том, как Михаил был одет и не собирался ли куда-нибудь съездить, а затем попросили разрешения осмотреть квартиру.

- Здесь кухня, спальня... вот комната для гостей... уборная.
- А там что? – Колесниченко указал на закрытую дверь в углу.
- Там рабочий кабинет Михаила Капитоновича.

Следователь, не дожидаясь разрешения, толкнул дверь и вошел в кабинет. Нашарил выключатель... и, едва вспыхнул свет – выскочил обратно в гостиную.

- Етить-колотить. Ваня, – выдохнул он, – ты глянь только.

Из-за открытой двери по квартире густой волной покатился аромат сухих трав, смешанный с тяжелым запахом гари, прелого дерева, гнилой воды. Младший следователь и Тамара осторожно приблизились к двери в кабинет.

- Что же это такое, Тамара Андреевна? – растерянно спросил старший.
- Она невозмутимо пожала плечами:
- Я сюда никогда не вхожу. Мне нельзя.
- Дверь ведь не заперта. Не любопытствовали?
- Зачем?

Тамара действительно никогда не заходила туда. Достаточно было Мише один раз запретить – и она словно забыла о дальней комнате, где муж мог иногда засиживаться часами.

Оперуполномоченный опасливо, бочком, вдвинулся в кабинет. Рука его лежала на кобуре. Всю дальнюю стену комнаты занимали связки сушеных трав. На многоэтажном стеллаже у входа стояли аккуратные ряды прозрачных террариумов, где лежали, свернувшись кольцами, или медленно шевелились серебристые, бурые, желто-черные клубки змей. В нескольких сантиметрах от лица опера тонкая змейка ткнулась головой в стекло, словно пробуя его на прочность. На мгновение показался раздвоенный язычок. В массивном стеклянном коробе у самого пола поднялись, раздувая украшенные «очками» капюшоны, две песчаные кобры – затанцевали на камнях, глядя на пришельцев масляно-черными бусинками глаз.

– Осторожнее, товарищ капитан, – просипел толстенький следователь, – может, ну его к шутам.

Колесниченко, словно не желая показаться трусом, сделал еще два шага вперед. В дальнем углу комнаты на металлическом листе лежали холодные угли, измазанная пеплом кочерга, покачивался на распорках закопченный котел. На дне его желтели какие-то кости, опаленные змеиные шкурки, скорлупки маленьких яиц. По левую руку от котла обнаружилась трехлитровая банка с густым зеленым раствором, в нем плавали отрубленные свиные копыта.

– Он что, здесь холодец варит у вас? – с ужасом спросил толстенький милиционер у Тамары.

– Я не лезу в дела мужа, – с достоинством ответила женщина, – у меня есть своя работа.

Наконец пораженные следователи ушли, пообещав назавтра прислать специалистов из зоопарка. Тамара закрыла дверь в кабинет и сразу же забыла об увиденном за нею. То, что происходило в кабинете мужа, отчего-то всегда казалось ей незначительным и малоинтересным. Женщина без сил опустилась в кресло в гостиной – «Буду ждать Мишу здесь...» – и сразу же провалилась в черный сон без сновидений.

Тамара очнулась от сверлящего мозг телефонного звонка. Пошарила в темноте в поисках выключателя, не нашла; встала, больно ударившись обо что-то коленом. Как же хочется спать... Что за надоедливый звук! Кто может звонить среди ночи?

Его нашли, прошелестело в мозгу. Нашли и звонят, чтобы сообщить.

Эта мысль привела Тамару в чувство. В лунном свете она босиком пробежала в коридор, нашла на тумбочке тяжелую эбонитовую трубку.

– Да?

Тамара запомнит этот миг на всю жизнь. Она переминалась с ноги на ногу на холодном паркете, серебряный свет луны лился в окно – и все в примыкающей к коридору комнате казалось ненастоящим, призрачным, контрастной смесью черных теней и белого фосфорного свечения: сервант, наполненный льдисто сверкающим хрусталем, и новенький телевизор «Темп-22», и мерно тикающие антикварные ходики. Стрелки на циферблате показывали 02:38. Из эбонитовой чашки телефона доносилось шуршание, похожее на помехи в радиоэфире.

– Говорите? Алло?

Сквозь помехи в трубке прорвался какой-то странный звук, похожий на всхлипывание. После паузы звук повторился. На заднем плане доносился отчетливый плеск капающей воды.

– Я вас слушаю! Кто это?

Жуткое сдавленное мычание было ей ответом – Тамара в страхе отняла трубку от уха. Невыразимая боль и отчаяние смешались в этом всхлипе. И в то же время что-то в нем показалось Тамаре до ужаса знакомым. Она почувствовала, как крошечные волоски по всему ее телу встают дыбом.

– Миша? Это ты? Где ты? Мишенька?!

Мычание превратилось в нечленораздельное бормотание, как будто существо (Миша?) на том конце провода пыталось заговорить на каком-то грубом иностранном наречии, но вдруг

откуда-то долетел злой гортанный окрик – и связь оборвалась. Не было ни коротких гудков, ни клацанья трубки о рычаг – просто наступила тишина.

Тамара еще долго кричала в трубку, надеясь уловить хоть что-нибудь. Затем она включила свет и долго стояла перед зеркалом, зажав рот обеими ладонями, чтобы не закричать от ужаса на весь дом.

Как ни удивительно – этот жуткий звонок привел ее в себя. Слетело сонное оцепенение, вернулась ясность мышления. Первым делом Тамара направилась на кухню и буквально заставила себя проглотить тарелку холодного позавчерашнего свекольника – ей нужны были силы. Пальцы дрожали, и багровые капли супа летели на белую скатерть. Затем оделась потеплее, прихватила из ящика конторки паспорт и вышла в лунное безмолвие улицы Кирова. В темноте черные мокрые ветви деревьев напоминали вытянутые в мольбе руки. Она дошла до метро и только тут вспомнила, что ночью станция закрыта. Это ее не остановило – Тамара пошла к своей цели пешком. Нужно было немедленно делать что-то, а на милицию надежды у нее не оставалось.

Ни один человек не встретился ей по дороге. Женщина свернула на спящий и пустой Чистопрудный бульвар в бледных огнях фонарей, вышла на улицу Дзержинского и прошла ее всю, до самой площади, где на высоком постаменте высится бронзовая фигура человека с высоко вскинутой головой и острой бородкой. Руку человек держит в бронзовом кармане пальто, словно готовый выхватить револьвер и не раздумывая стрелять на поражение.

Здесь Тамара обогнула многоэтажное светлое здание, облицованное внизу бурым камнем, и уверенно подошла к скромной двери под тусклым оранжевым фонарем. Сколько раз она проходила мимо этой двери по пути на работу, не представляя, что когда-либо может войти в нее. Отдадим Тамаре Андреевне должное – далеко не всякий советский гражданин смог бы набраться смелости прийти сюда по своей воле. Доска по соседству с дверью сообщала желтыми по черному буквами:

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРИЕМНАЯ КГБ СССР
Прием граждан круглосуточно

II

Никогда в жизни не видел такого восхитительного заката, подумал Андрей. Самолет плавно снижался над океаном, поводя крылом, и зарывшееся в волны солнце вдруг ударило в глаза, расплескалось огненными брызгами по водной глади от горизонта до горизонта. Машина спускалась плавно, скользила сквозь пушистые клочки облаков, и вот уже в овале иллюминатора показалась долгая полоска песчаного берега в снежной пене прибоя. Андрей никогда не был на море (Финский залив не считается), видел его только в кино – и сейчас замер в своем жестком кресле, замороженный видом огромной движущейся массы воды.

А самолет опускался все ниже. Он парил над белой песчаной полосой, лениво, как альбатрос на вечерней охоте. Андрей увидел внизу темную фигурку. Человек шел навстречу самолету, прикрыв лицо ладонью. Рыжее солнце почти уже свалилось в океан, от этого изломанная шагающая тень человека вытянулась на добрый километр, словно тень великана. Как долго, с тревогой подумал Андрей, очень долго мы висим над этим пляжем... Он хотел крикнуть что-то в сторону кабины пилота, хотел взглянуть на лицо пассажира рядом, чтобы убедиться, что не один обеспокоен происходящим, – но не смог отвести глаз от темной фигуры. Каким-то образом человек внизу также видел Андрея. Его босые загорелые ноги облепил песок. Сильный ветер с моря трепал крестьянскую рубашу – она когда-то была белой, а теперь приобрела оттенок мартовского снега. Мы не двигаемся, с ужасом понял Андрей. Он не хочет отпустить нас – и мы не можем вырваться. Руки покрылись гусиной кожей, и сердце мерными толчками перекачивало кровь в венах – все быстрее и быстрее, приближаясь к пределу, за которым неизвестность.

Человек внизу гортанно выкрикнул что-то – взмахнул рукой. Повинуясь его жесту, самолет, как подбитая птица, закувыркался навстречу волнам. Взревели в агонии двигатели...

Андрей проснулся.

В оглушительной тишине лишь тихонько стучали капли дождя о жестяной подоконник. За мокрым стеклом плыла в разрывах облаков задумчивая луна. На письменном столе уютно светила электрическая лампочка под зеленым колпаком – от нее исходило приятное тепло.

– Фу ты, черт, ну и сон.

Он потянулся за папиросами. Ладони были влажными от пота. Тело все еще оставалось в плену сна, мышцы рук и ног отходили от судорожного напряжения. Спать на ночном дежурстве в здании КГБ официально не возбранялось – но каждый, кто приходил в этот кабинет, боялся, что шеф узнает о такой слабости. Каким-то образом шеф всегда знал обо всем.

На столе затрезвонил телефон, и Андрей вздрогнул.

Он бросил взгляд на часы – 04:05.

– Слушаю.

Деревянный мужской голос на том конце провода пробормотал два слова – «Тамара Монк» и, не дожидаясь ответа, закончил разговор. В трубке коротко загудело.

В пять минут пятого утра, вот же им не спится, усмехнулся Андрей. Ладно, проверим, что за Монк, а потом можно и чаю выпить. Затолкав папиросу в пепельницу, Андрей взял лампу, переставил ее поближе к шкафу и выдвинул скрипучий ящик с картотекой.

– К... Л... М... Миллионщиков... Миньелли... Мозгов...

Пальцы его замерли.

Монк Михаил Капитонович.

Ребята, ведь это наш клиент.

Он выхватил карточку из короба, поднес поближе к лампе. Сонливость мгновенно исчезла, словно по венам разлился чистый кофеин. Монк. Темный маг шестого уровня. Про-

писка – улица Кирова, дом 14/2, квартира 48. Шестой уровень – не бог весть какая важная птица, но все же... А вот и жена – Тамара Андреевна. Детей нет.

Андрей захлопнул шкаф с картотекой и быстрым шагом вышел из кабинета. Дежурный в коридоре проводил его невидящим взглядом. Сотрудники Комитета Госбезопасности замечали Андрея Ярового только тогда, когда он сам этого хотел.

С первого взгляда он понял, что женщина едва держится на ногах. По-хорошему нужно было бы вызвать врача, однако, пока врач будет заниматься ею, пройдет много времени... а в восемь утра на смену явится Дневной Дозор и по праву заберет Тамару к себе – в мрачное здание на улице Горького.

– Вы еще кто такой, черт возьми? – воскликнул дежурный офицер в штатском, когда Андрей Яровой вошел в комнату.

– Спасибо, друг. Можешь отдыхать. Хорошая работа.

Офицер вытаращил честные голубые глаза, неловко сполз в кресло... и через мгновение сладко засопел с полуприкрытыми веками.

– Ты забыл все, что видел. Никакой женщины не было. – Андрей осторожно извлек из-под локтя офицера лист с началом протокола допроса и спрятал в карман.

– Здравствуйте, – сказал он изумленной Тамаре, – вы совершенно правильно поступили, что пришли сюда.

– Как вы сказали? – Лицо женщины вспыхнуло надеждой. – Вы поможете мне?

– Сможете подняться наверх? – ответил он вопросом на вопрос. – У вас усталый вид.

– Я попробую.

Андрей взял женщину под руку и бережно проводил до выхода из общественной приемной. Они прошли пустым коридором до лифта, поднялись на пятый этаж. Гипсовый бюст Дзержинского строгим взглядом проводил их. На пятом этаже Андрей направил свою гостью до скромной двери в конце коридора – без номера и таблички.

– Сейчас я поставлю чай, и вы мне все расскажете, Тамара Андреевна.

– Но тот товарищ внизу...

– Он очень устал за ночь, вот и прикорнул. Не беспокойтесь ни о чем. Он ведь сам меня и вызвал.

Пока женщина с приоткрытым от удивления ртом наблюдала за ним, Яровой поставил чайник на плитку, достал два граненых стакана и заварку в бумажной коробочке.

Дежурство в главном здании КГБ на Лубянке по договоренности Дозоров было введено в начале пятидесятых годов. Кабинет Светлых Иных находился в западной части здания, Темных – в восточной; Дневной Дозор дежурил в светлое время суток, а Ночной – в темное. Сюда стекалась секретная информация со всего мира, и доступ к данным, представлявшим интерес для Дозоров, решено было сделать общим – хотя обе стороны все время пытались обойти это правило. Родственники или друзья Иных время от времени попадали в поле зрения госбезопасности, как в случае с Тамарой, поэтому имена всех людей, оказавшихся в здании, сразу же становились известными дежурному.

– Что-то случилось с вашим мужем? – спросил Яровой. – Я прав?

Женщина тихонько заплакала, прикрывая лицо платком. Андрей поставил перед ней стакан крепкого чая и, взяв за руку, осторожно послал ей легкий заряд спокойной светлой энергии. Это помогло. Вскоре Тамара почувствовала внезапную симпатию к этому приятному молодому человеку – и неожиданное желание открыться во всем. Долго сдерживаемые чувства прорвались сбивчивой исповедью. Андрей еле успевал записывать.

– Что с ним произошло, как вы думаете, товарищ? – дрожащим голосом спросила Тамара.

Роскошных жен подбирают себе Темные! Даже этот мелкий колдунишко неплохо устроил свою личную жизнь. Вон как убивается по нему, даже в госбезопасность прибежала среди ночи.

А как красива, бесовка. Какая судьба ждала бы ее через десять-пятнадцать лет? Ведь бросил бы, ушел бы к молодой девице или просто растворился в Сумраке. Может быть, так он и поступил.

Тем временем небо за окном над площадью Дзержинского наливалось свежесмытой синевой, вдалеке по-утреннему засияли золотыми гранями над Кремлем алые пятиконечные звезды.

– Сделаем все, чтобы найти вашего мужа, – без всякого энтузиазма сказал Андрей. Этот пустой взгляд был знаком ему. Нельзя заставить женщину по-настоящему полюбить себя, даже с помощью магии. Инстинкт не обмануть – для нее ты все равно останешься коротконогим толстячком в помятой фланельке из «Большевички», не способным пробудить страсть. Однако есть заклятия, позволяющие хорошенько привязать к себе – так, что девушка будет чувствовать себя как брошенная хозяином собака.

Светлые никогда не практикуют такой дряни.

Он снял трубку и набрал короткий внутренний номер.

– Леонид, ты уже на месте? Тут по твоей части гражданочка... заходи за ней сам, я не стал лезть ей в душу. Давай, давай быстрее, я хочу домой и – спать.

– Что? Что вы... – пробормотала Тамара. Ей показалось, что этот еще минуту назад такой обходительный и симпатичный парень за что-то на нее рассердился. Вспыхнувшая в сердце надежда затрепетала, угасая. Она опустила руки и смотрела на вытертые доски паркета под столом. Как пусто, как одиноко... «Во всем мире я одна, и никому не нужна, не интересна...»

– За вами пришли, Тамара Андреевна. – Он кивнул на дверь. – Всего наилучшего.

Леонид словно просочился сквозь дверь – изящный, смуглокожий, как португалец, с издевательской ухмылкой на тонких губах. Темный. Посланец убегающей на запад ночи.

– Мадам, – усмехнулся он пораженной Тамаре, – извольте вашу руку. Покинем это неприятное место.

Андрей взмахнул пальцами, будто стряхивал что-то неприятное: убирайтесь. Когда Темный и его подопечная удалились, он набрал на жужжащем диске четыре тройки (его и Леонида телефоны были единственными аппаратами во всем здании, что не прослушивались секретной службой):

– Центральная? Яровой говорит. Записывайте: восьмого сентября неизвестными лицами с неизвестной целью похищен Темный маг шестого уровня Михаил Монк. Подробности сообщу лично позже.

Он мог бы отправиться спать к себе домой на улицу Богдана Хмельницкого – ну, пропавший Темный маг, эка невидаль. Если подумать, у любого Иного может оказаться куда больше причин внезапно скрыться от своей человеческой семьи, чем у заурядного советского научного работника... Тем не менее Андрей, томимый непонятным тяжелым предчувствием, завел мотоцикл и помчался на Сокол, в штаб Ночного Дозора.

Тарахтя и выкашливая облака сизого чада, мотоцикл пронесся по залитому солнцем проспекту Маркса, мимо шеренги алых знамен у Большого театра; гроыхая на выбоинах, вылетел на почти пустую в этот час улицу Горького – и с ревом покатился по ней наверх, в горку. Голуби и брызги утренних луж разлетались в стороны из-под колес. Вот и оно, с глухим раздражением подумал Андрей... Темное здание за зелеными кронами деревьев. Штаб Дневного Дозора. У входа в здание (высокие двери с изящными ручками «под золото», гранитные ступени подъезда) лениво курили двое в фетровых шляпах и серых аккуратных костюмах: ни дать ни взять чикагские гангстеры. Они свинцовыми взглядами проводили желтый мотоцикл Андрея; один сплюнул вслед – и слюна зашипела на асфальте, как азотная кислота.

Андрей прибавил газу, нехорошо усмехаясь. Он мог бы ездить от Лубянки до конторы другой дорогой, но ему нравилось дразнить их.

В недавно отремонтированном здании Ночного Дозора на Соколе пахло свежей краской, струганой доской и папиросным дымом. Холодное сентябрьское солнце вливалось в окна, и шаги Андрея в пустом коридоре отзывались гулким эхом. Он взбежал на третий этаж, где находился актовый зал – и по соседству с ним почти такой же вместительный кабинет шефа.

– Борис Игнатьевич у себя?

Секретарша шефа подняла взгляд от журнала «Работница». Милая узбекская девушка по имени Айсель. Свои черные волосы она скрыла под скромной алой косынкой. Айсель грустно покачала головой:

– Второй день не появлялся. – Она будто бы расстроилась из-за того, что огорчила Светлого мага. Глаза у Айсель были редкого для восточной женщины голубого цвета. – У тебя срочное что-то, Андрюша?

– Да так, собственно...

– Если «горит», можешь попробовать позвонить ему домой.

– Спасибо, Айсель. Думаю, подождет до вечера.

Он собирался зайти в центральную операторскую, внести в журнал историю с Монком и его женой, но, спускаясь по лестнице, обнаружил в облаках папиросного дыма всклокоченного после бессонной ночи Гошу с каким-то незнакомым парнем. Георгий приветливо замашал длинными руками. Он походил на участника геологической экспедиции – лицо украшала окладистая борода (недосуг бриться), зеленый растянутый свитер висел мешком, на носу очки в толстой оправе. Восстановление нормального зрения – простейшая магия, но некоторым для чего-то нужно смотреть на мир через пару стекол. Наверное, считают, что так умнее выглядят.

– Андрей, иди к нам! Закуришь? Физкульт-привет!

– Привет духам полуночи. Что спать не идете?

– Разреши наш спор, дружище.

– Слушай, Гошка, мне сейчас не до того.

– Да подожди ты, послушай! Вот смотри, этот чудак, – он показал на незнакомца взмахом руки и чуть не зашиб его при этом, – говорит, что звезды, космос – все это только мечты. Что весь разум человечества, устремленный к небу над головой, работает вхолостую. Этот приземленный тип, этот мещанин, заявил только что – нужно думать, как нам ужитья с янки, а не об иных мирах!

– Я сказал не совсем так, – мягко улыбнулся парень, – просто всему свое время. Луна или Марс – это только замерзшие куски камня в пустоте. Все интересное находится слишком далеко от нашей планеты, чтобы добраться туда в ближайшем будущем.

Андрей с любопытством посмотрел на незнакомца. На вид совсем молодой парнишка, лет семнадцать-восемнадцать, однако после нескольких лет работы в Дозоре Яровой понимал, что судить о возрасте Иного по внешности ошибочно. Парень являл полную противоположность заполошному измятому Георгию – отглаженные по стрелочкам брюки, чистая серая рубашка, аккуратно уложенные на пробор каштановые волосы. Он прислонился к стене, сложив на груди тонкие руки, и с ответным интересом разглядывал усталого после ночной вахты Андрея.

– Максим Баженов, Иной, – представился он.

Андрей пожал протянутую руку и представился в ответ. При рукопожатии он попытался осторожно взглянуть на нового знакомого через Сумрак – но не увидел ничего определенного. Такой же неясной была и его аура, будто смотришь на человека сквозь матовое стекло. И кого он хочет обмануть своей внешностью старшеклассника?

– Значит, – с прищуром сказал Андрей, – все это зря? Спутник, подвиг Гагарина, дерзкие мечты?

– Почему же зря, – улыбнулся вновь Максим, – спутники смогут в будущем обеспечить быструю связь, помогут прогнозировать погоду. К тому же мы строим все более мощные ракеты.

– Чтобы долететь до бессмысленных замерзших кусков камня?

– Чтобы донести ядерные боеголовки до Западного полушария. Это наша защита против любой угрозы оттуда.

Андрей и Георгий переглянулись.

– Ты прав, он не прост, – сказал Андрей, – и что же, Максим, по-твоему, ждет нас в космосе?

Тот пожал плечами:

– Будет долгая эпоха околоземных полетов. А дерзкие мечты никуда не денутся. Вон сколько фантастики теперь издают. Братьев Стругацких читали?

– Читали! Конечно, читали! – в возбуждении воскликнул Гоша. – Ну пойми же ты, что это самое прекрасное и есть! Это жизнь – люди всей душой устремились вверх, к неизведанному. Они готовы бросить вызов любой опасности, преодолеть любые трудности. Какие горы они готовы свернуть!

– Все это было уже не раз, – вздохнул Баженов, – духовный подъем, новые горизонты. Но в итоге человеческая наука рождала только новые виды вооружений. Не без нашей помощи, кстати.

– Ты циник, – рассмеялся Андрей.

– Я реалист.

– Ты – сухарь, вот кто ты такой, Максим! – не унимался Гоша. – Ты по душевному складу не можешь понять этой романтики! Как прекрасен космос – и как опасен притом! Сколько он таит загадок и тайн...

– Космос прекрасен? Что ж, если только в кино. В реальности он скучен, холоден и очень однообразен.

Андрей внимательно посмотрел на него:

– Ты говоришь об этом так, как будто был там.

– Я... – начал Максим, но в этот момент над головами захрипели динамики.

– Внимание всем! Внимание всем! У нас труп Темного. На пересечении улицы Восьмого марта и Пеговского переулка! Оперативная группа на выезд.

Почему-то Андрей сразу вспомнил Монка, и хотя успел настроить себя против Тамары, сердце его сжалось при мысли о том, что с ней будет. Не сговариваясь, все трое бросились вниз по лестнице. К подъезду подкатил новенький желтый ЛИАЗ, громко лязгнули открывшиеся двери. Автобус был еще пустым, лишь в водительской кабине маячила тень – где-то в конторе сейчас торопливо собирались на выезд оперативники.

– Улица Восьмого марта, это здесь недалеко, – быстро сказал Андрей. Он завел свой мотоцикл и посмотрел на товарищей. Георгий ословело переводил взгляд с мотоцикла на автобус и обратно. Очки его походили на глаза-блюдца только что разбуженного филина.

– Н-но Темные, наверное, сейчас тоже едут туда, – выдавил он наконец.

– Поэтому мы и не можем ждать, пока опера соберутся, – раздраженно бросил Андрей. Максим уже сидел рядом с ним в коляске мотоцикла.

– Ну же, едем, – сказал он невозмутимо, словно речь шла о поездке на дачу.

Мотоцикл взревел и в облаке дыма вылетел на Ленинградский проспект. Георгий проводил его долгим удивленным взглядом.

Они успели первыми.

Темная масса, похожая на груду тряпья, лежала прямо посередине перекрестка. Рядом остановилась темно-синяя с красной полосой милицейская «победа», и редкие автомобили, выезжавшие из спального района в сторону центра, огибали ее по дуге.

Андрей бросил мотоцикл у края проезжей части и скользнул в Сумрак. Утренний уличный шум сразу исчез. Солнечный свет померк. В вязкой голубой мгле Яровой шагал через

улицу, не обращая внимания на автомобили. Тяжелый грузовой ЗИЛ тускло сверкнул массивной решеткой радиатора, похожей на оскаленную пасть, бесшумно пронесся прямо сквозь Андрея и улетел прочь – маг лишь слегка покачнулся. Где-то вдалеке заунывно пела сирена – это мчался к месту трагедии наряд Ночного Дозора... или Дневного?

Он присел на корточки над телом.

Да, никаких сомнений – это Темный, и он мертв. Не из самых сильных магов, но и не слабак. Широко раскрытые карие глаза. Бледное лицо, окоченевший в предсмертном оскале рот. Черные короткие волосы, густо заросшие щеки, большой нос с горбинкой. Сбила машина? Нет уж, дудки, такой смертью Иные не погибают.

На горле и на лице никаких видимых повреждений, если не считать царапин от удара об асфальт на правом виске. Черный дорогой плащ измят, словно его владелец долго боролся с кем-то в грязи. На туфлях толстый слой пыли.

– Перед смертью его пытали, – услышал он мягкий голос Максима за спиной, – долго пытали.

Андрей рванул дорогую шелковую рубашку на груди у мертвеца: под ней курчавились густые, как пакля, черные волосы. Если не считать тонких алых полосок на груди и животе – никаких следов пыток. Сосков у погибшего не было, на их месте вилась все та же густая поросль.

– Химера, – пояснил Максим. – Очень хорошая работа.

– Что еще за дрянь?

– Гомункулус. Но те, кто его пытал, не знали этого.

– Ничего не понимаю. Какого дьявола?

– Темные уже близко, Андрей. Загляни в его карманы на всякий случай... Впрочем, не думаю, что они нам оставили хоть какие-то зацепки.

В карманах у трупа действительно было пусто. Андрей положил ладонь на глаза Темному, пытаясь уловить хоть что-то, хоть эхо выплеска энергии, любой намек. Кто-то убил его. Также кто-то похитил и, возможно, убил Монка. Кто-то из наших? Кто?

Ничего. Пустота и тишина. Лишь мертвая оболочка, уже успевшая окоченеть.

Огненный шар промчался сквозь Сумрак и ослепительно вспыхнул над милицейской «победой».

– Вот и они, – спокойно сообщил Максим.

Еще несколько комков огня пронеслись над закутанным в Сумрак перекрестком, и Андрей приготовился к тяжелому удару – он узнал это оружие, – но горячее сияние потускнело, вместо обжигающего пламени он почувствовал только упругую теплую волну. Глухо гроыхнуло, будто за горизонтом ворочался гром. Яровой увидел Максима – тот стоял, широко расставив ноги, под потухшим светофором в центре перекрестка, и губы его шевелились. На улице Восьмого Марта со стороны центра медленно разворачивался, перегораживая своим корпусом дорожное движение, длинный черно-красный автобус ЗИС-154. Из его выбитого бокового окна вырвался еще один пламенеющий шар и метнулся к Максиму. Со стороны это выглядело как мгновенный удар огненной змеи. Земля под ногами дрогнула, но Светлый Иной остался недвижим; Яровой увидел, как над ним быстро вспыхнула и погасла полусфера защитного поля – она своим краем прикрывала и Андрея вместе с милицейской машиной. Он встал за спиной у товарища и все свои силы бросил на укрепление невидимой защиты.

Тем временем с другой стороны улицы с ревом подкатил желтый автобус Ночного Дозора, из него кубарем посыпались бойцы-оперативники. Они выстраивались поперек улицы во фронт. Обе стороны конфликта уже находились в Сумраке – и человеческие автомобили проносились прямо сквозь них. Андрей узнал Семена – тот деловито раздавал оперативникам команды. Темные также занимали оборону с другой стороны перекрестка: в Сумраке две выстроившиеся друг напротив друга шеренги бойцов выглядели устрашающе.

- Андрияха! – крикнул Семен. – Что тут у тебя?
- Все плохо. Долго рассказывать.
- А почему пальба?
- Сам у них спроси.

Они выступили навстречу шеренге Темных: впереди Семен, чуть позади за его плечами Андрей и Максим. Семен вскинул руки над головой ладонями вперед: я безоружен. Темная толпа качнулась навстречу с глухим ропотом. Сухой, лишенный запахов воздух в Сумраке казался наэлектризованным от напряжения. Если они сейчас не бросятся на нас, подумал Андрей, это можно будет объяснить только чудом.

– Что за фейерверк, командир? – воскликнул Семен. – Наверное, весь синий мох в квартале выжгли.

– Назови мне хоть одну причину, враг мой, – предводитель Темных говорил тихим свистящим шепотом, но его услышали все, кто находился на улице, – хоть одну причину не оторвать головы тебе и твоим малахольным друзьям.

– Дай вспомнить, – изобразил задумчивость Семен, – может быть, Великий Договор о перемирии?

- Великий Договор не мешает вам убивать наших! – прошипел Темный.
- Был суд? Кто-то доказал, что это мы нанесли вам вред?
- Асссссс, – прошипел Темный, – какой еще нужен суд? Это война! И в ней только двое врагов! Не строй из себя невинного младенца, Светлый.

Похоже, дело действительно дрянь, подумал Андрей.

- Сколько? – спросил он, вставая рядом с Семеном.
- Пятеро исчезли за последнюю неделю, – зло сверкнул глазами Темный, – Нодар – шестой.

– Исчезли? Это не значит мертвы...

Из-за спины Темного выступила круглолицая девушка с длинной каштановой косой и что-то быстро зашептала ему на ухо, указывая на тело на асфальте.

– Не будем устраивать войну, командир, – миролюбиво сказал Семен, – даю тебе честное слово, что это не наших рук дело.

Темный покачал головой, поднимая заряженный до отказа жезл:

- Я не верю ни одному твоему слову, враг мой.
- Вот наши предложения, – Семен сложил руки на груди, – мы сейчас уходим. Забирайте тело вашего Нодара и проводите расследование. Я обещаю вам любую разумную поддержку. Но не могу обещать, что мы не будем проводить параллельное следствие. И если выяснится, что это какая-то ваша провокация, – пеняйте на себя.

– Ты мне еще и угрожаешь? – Темный вскинул голову, толпа за его спиной глухо зароптала, подступая ближе. Троица Светлых невольно сделала шаг назад.

– Боже упаси. Сделаем так: вы пришлете своих парламентаров, мы пришлем своих. Не сомневаюсь, им удастся расставить все точки над нужными буквами.

– Где и когда?

– Сегодня на закате, на площади у Белорусского вокзала.

Ровно посередине между штабами, отметил про себя Андрей.

– А теперь мы уходим, – сказал Семен.

– Так и быть, – ухмыльнулся Темный, – на этот раз я вам разрешаю уйти.

Андрей вскинулся, но Семен с такой силой сжал его локоть, что он чуть не хрустнул.

– Просто уйдем отсюда.

Они отступали, поминутно оглядываясь, до самого перекрестка. Семен вынырнул из Сумрака и что-то тихо сказал сидящим в «победе» милиционерам. Машина немедленно тронулась с места и скрылась за поворотом.

– Я тебя запомнил. – Темный указал жезлом на Андрея.

– Теперь постарайся не забыть, – ответил Яровой, закуривая папиросу. – На словах вы все храбрецы.

– Я заставлю тебя пожалеть о каждом слове!

– У меня еще есть парочка слов для тебя. Хочешь послушать, образина?

– Все, все, будет тебе. – Семен буквально втащил Андрея в седло мотоцикла, не обращая внимания на возмущенные выкрики Темных за спиной. Несколько теней в Сумраке уже склонились над неподвижным телом Нодара. Заурчали двигатели. Автобус Ночного Дозора медленно, задним ходом, двинулся вверх по улице Восьмого марта. Семен и Максим стояли рядом с водителем, готовые в любой момент отражать удар, но в этот раз Темные дали им уйти без драки.

– Нам нужен Гесер, – сказал Семен.

– Гесер всем нужен, – на лице Айсель было написано неподдельное горе, – но его нет.

– В общем, так. – Семен повернулся к собравшейся в коридоре бригаде оперативников. – Я беру сейчас пару ребят и лично еду к шефу. Айселька, ты со мной. Андрюха, ты тут за старшего. Соберите кого сможете, к вечеру нужно быть наготове, понятно?

– Понятно. Что происходит, Семен?

– А вот это как раз непонятно...

Когда Семен вышел, все глаза устремились на Ярового. Андрей, не привыкший командовать, не знал, что приказать двум десяткам ребят и девушек, собравшихся в актовом зале.

– Так. Нужно, наверное, обзвонить всех, у кого есть дома телефоны, – сказал он, подумав с минуту. – Сашка, возьми кого-нибудь в помощь, вы должны обежать тех, у кого телефонов нет. И вот еще что. Неизвестно, сколько мы тут будем куковать. Нужно сгонять в продмаг и взять хлеба, чаю, сыру и так далее. Вопросы есть? Нет? Выполняйте.

Он сел на подоконник и смотрел, как внизу разбегаются в разные стороны от подъезда его гонцы. Солнышко пригревало еще совсем по-летнему. За янтарно-зеленой шеренгой тополей весело кричали дети: в школе по соседству начиналась большая перемена. От хлебозавода долетел дразнящий запах свежее испеченных булочек. Где-то сонно бубнило радио: «...рекордный урожай зерновых ожидают в этом году хлеборобы Павлодарской области...» Как спокойно, будто бы нет и не было никакого трупa, никаких исчезнувших дозорных. Словно не стоял он час назад в Сумраке перед агрессивной толпой Темных. Угревшись на солнце, Андрей начал клевать носом. «Посплю буквально десять минут, не больше, – поклялся он себе. – Я же всю ночь не спал, черт возьми. Десять минут ничего не решают».

Однако уже через минуту, как ему показалось, его растолкал Максим.

– Могу я покемарить хоть минутку? – зло спросил Андрей.

– Ты спишь уже полтора часа. Я бы не стал тебя будить, но там только что вернулся Семен – я думаю, тебе интересно будет услышать новости.

– Ох, ты... спасибо тебе.

– На здоровье.

Они протолкнулись через глухо рокочущую толпу к Семену. По-видимому, он уже успел сообщить новости собравшимся – Андрей увидел растерянные лица. Айсель плакала на плече у Семена, вытирая глаза кончиком алой косынки. Андрей почувствовал, как в груди набухает непривычный холодный комок.

– Что же Борис Игнатьевич? – спросил он упавшим голосом.

– Нету Гесера, – устало ответил Семен. – Пустая квартира.

– А в Переделкино?

– Дачу тоже проверили. Как сквозь землю провалился.

– И ни записки, ни письма?

Семен посмотрел на него, как на глупого ребенка, и Андрей отвел взгляд.

– Ладно. Что же нам делать дальше?

Толпа сразу же взорвалась криками. Все говорили наперебой – кто-то требовал немедленно разыскивать шефа, бросить на это все силы; кто-то предлагал забаррикадироваться и вооружиться; нашлись и такие, что призывали брать штурмом штаб Дневного Дозора на улице Горького. Яровой почувствовал настоящий страх – поразительно, как быстро еще вчера хорошо организованный организм, каким был их коллектив, превратился в хаотичную бурлящую массу.

– Товарищи, тихо! – крикнул он и для убедительности громко свистнул сквозь пальцы. – Внимание, внимание!

Толпа неохотно притихла.

– В первую очередь необходимо сохранять порядок. Предлагаю всем сесть по местам и выступать организованно, по очереди. Обязательно во всем разберемся и решим, как быть!

Эта идея всем понравилась. В президиум собрания выбрали Семена, Андрея, рыдающую Айсель и высокую статную красавицу Владлену Денисенко (комсорга и по совместительству главу профсоюзной ячейки). Остальные сотрудники Дозора, которых собралось в штабе уже больше сотни, расселись в первых рядах перед сценой. Яровой взобрался на трибуну, чувствуя где-то глубоко внутри все тот же ледяной холод, но не подавая виду. Две сотни глаз обратились к нему – в них читались надежда и страх, насмешка и удивление.

– Товарищи, друзья! – Андрей никогда в жизни не говорил с людьми с трибуны и надеялся только, что его не освистают. – Прежде всего – пусть диспетчера вернутся на пульт. Мы не должны бросать город на произвол судьбы. Кто знает, может быть, *они* захотят воспользоваться ситуацией. Идите, идите, товарищи, я лично потом к вам зайду и все расскажу...

Четверо дежурных встали и, ворча, направились к дверям. Навстречу им подходили все новые Светлые, торопливо рассаживались на стульях. Андрей залпом осушил стакан воды.

– Товарищи, – сказал он. – Во-первых, не стоит поднимать панику из-за Бориса Игнатьевича! Если ему пришлось на время срочно уехать – значит так нужно. Он знает, что делает.

– А если он не сам? – крикнул с первого ряда всклокоченный Гоша. – Если его... того?!

– Давайте без этого. Борис Игнатьевич не мальчишка какой-нибудь. Он и сам кого хочешь... того!

По залу прокатился неуверенный смешок.

– Ну а если бы действительно на Гесера кто-то напал – он ведь сумел бы нам как-то дать знак, верно? Я считаю, что паниковать еще рано. Давайте подумаем спокойно. Кто последний говорил с ним? Айсель?

– Вчера его не было у себя весь день, – вздохнула девушка.

– А до этого?

– Позавчера... он, как обычно, уехал домой за полночь.

– С ним был кто-нибудь?

– Нет, он один поехал, на своей «победе».

– Машину нашли?

– Стоит у подъезда, – хмуро проронил Семен.

– Значит, до дома он добрался. Айсель, Борис Игнатьевич говорил что-нибудь о своих планах? Собирался он встречаться с кем-то, куда-то ехать?

– Ничего такого. Сегодня вот только совещание по плану... должно было быть... – В голубых глазах узбечки снова задрожали слезы.

Андрей рубанул рукой воздух:

– Товарищи, нам нельзя раскисать. Не имеем права! Гесер – самый мощный маг, какого я встречал в жизни, да и любой из вас, я уверен. Он сумеет за себя постоять. Конечно, мы приложим все усилия для того, чтобы его найти, но у нас сейчас есть и другие задачи.

По залу пронесся ропот.

– Как вы уже все, наверное, знаете, у нас сегодня утром состоялась теплая встреча с конкурирующей фирмой с улицы Горького. На вечер у нас запланирована еще одна встреча на площади у Белорусского вокзала. Возможны любые провокации! Товарищи, я не исключаю, что все происходящее – одна большая провокация Дневного Дозора!

Он рассказал собравшимся о сегодняшнем ночном дежурстве в КГБ, о погибшем Темном и о короткой перепалке с офицером Дневного Дозора на улице Восьмого Марта.

– Теперь выясняется, что за последние дни у них исчезли пятеро плюс еще один убитый. Есть основания считать, что его пытали. Конечно, многие из нас только рады, что кто-то проредил ряды этой нечисти. Но подумайте, к чему это может привести? Кто-то организованно убивает Темных! Как бы мы повели себя на их месте? Мы сейчас стоим в одном шаге от полномасштабного вооруженного столкновения, впервые за семнадцать лет, и с нами нет Гесера. Друзья, надо найти этого борца-одиночку и руки ему оторвать, я так считаю. Потому что Договор есть Договор. В общем, это все. Я закончил.

Его проводили аплодисментами, но многие, напротив, что-то гневно кричали сквозь шум. Следом слова попросил Анатолий Матвеев, немолодой токарь с Первого подшипникового завода. Его грубоватое широкое лицо казалось высеченным из гранитной скалы.

– Товарищи, – пророкотал он, сжимая в руке шапку, – Договор – это, конечно, правильно. Договор – это хорошо. Тут я товарища Ярового поддерживаю. Но скажите-ка мне, товарищ Яровой, а по какому такому договору с нашим Борисом Игнатьевичем они расправились?

Зал взорвался криками.

– Погодь-ка! – перекрывая гомон толпы, заревел медведем Матвеев. – Погодь, ты послушай! А я считаю, что это все связано. Цель у них была изначально – Гесер! А вся эта мелкая Темная шушера, которую кто-то неизвестный попятил куда-то, – только пыль нам в глаза. Всего один жмурик – и тот гомункулус. Где остальные, я спрашиваю? Кто-нибудь видел этих тварей мертвыми? Сидят небось сейчас в теплом Крыму, «Массандру» пьют. Да ежели бы и свернули им бошки! Ты спроси любого Темного шишку – разменяет он за самого Гесера шестерых сявок своих? Я тебе скажу, как это называется.

И Матвеев сказал – да так, что у многих в зале запылали уши.

– Товарищ Матвеев, – остановил его Семен, – вы все-таки не в пивной.

– Извините, если кого обидел, – неожиданно мягко проговорил Анатолий, и Андрей с удивлением увидел мокрую дорожку у него на щеке, – а я так скажу: ежели б был сейчас в живых Борис Игнатьевич, он бы нашел способ подать нам весточку. Я с ним вместе знаешь сколько лет в Дозоре? Тебя, товарищ Яровой, и в проекте еще не было. А второго Гесера у нас никогда не будет...

Светлые Иные повскакивали с мест. Целая группа молодых рабочих яростно аплодировала Матвееву, спустившемуся в зал, многие с чувством пожимали ему руки. Да они же готовы прямо сейчас идти бить Темных смертным боем!

– Порядок, товарищи! – Владлена схватила колокольчик и яростно затрясла им. – Давайте придерживать порядка!

Зал не хотел успокаиваться. Андрей заметил Максима Баженова – его оттерли куда-то вбок, в толпу горячо спорящих комсомольцев. Максим поймал взгляд Андрея и жестом показал, что хочет что-то сказать.

– Иди на трибуну, – тряхнул чубом Яровой.

Нет, покачал головой тот. Тогда Андрей сам подошел к краю сцены и наклонился к Максиму.

– Нужно отправить кого-то наблюдать за штабом Темных, хотя бы издали. Мы должны знать, что они там подделывают.

– Толковая идея.

- Я сам и пойду. А ночью меня пусть кто-нибудь подменит.
- Добро. Удачи.

Максим зашагал прочь, плечом раздвигая ватагу молодежи, скопившуюся в боковом проходе. Интересный тип этот Баженов. Надо бы все же расспросить Гошку, кто это такой и откуда свалился к нам. В любом случае польза от него есть – в отличие от многих тут собравшихся.

На сцену взошел хороший товарищ Андрея – очень немолодой, но еще бодрый Адам Францевич Крыницкий – с аккуратно постриженной академической бородкой, в клетчатом импортном пиджачке, с густой копной абсолютно седых волос. На носу его опасно раскачивалось серебряное пенсне. Адам Францевич был учителем в начальной школе на Волыни, когда его нашел и инициировал заезжий петроградский маг. Случилось это в самом начале Первой мировой войны – Крыницкий был тогда уже семидесяти с лишним лет от роду. Андрей не слышал, чтобы еще кого-то инициировали в таком почтенном возрасте. Стареть Крыницкий перестал; он перебрался в Москву и остался жить здесь в привычном образе старого польского интеллигента.

– Друзья мои, – начал старик, откашлявшись, – очень много эмоциональных слов мы с вами тут сегодня уже слышали, но вот что все ораторы упускали из виду. Мы ведь не в пустоте живем. Не сошелся на нашем городе Свет клином – и Тьма тоже. Если Договор будет разорван – война начнется по всей стране, а затем и по миру.

Адам Францевич обвел пристальным взглядом притихшую толпу.

– Вы оттого такие смелые, что знаете – мы, Светлые, сейчас сильнее Темных. Да, это мог бы быть хороший момент для решающего удара – хотя мы не знаем в точности, какими силами располагают наши оппоненты и насколько существенным может быть урон, который они могут нам нанести; иначе говоря – как много из присутствующих здесь прекрасных молодых Иных будут убиты или покалечены.

Это какой-то дурацкий сон, подумал Яровой. Еще вчера вечером мы думали о том, как проведем ближайший выходной, что купить на ужин и какой обещают прогноз погоды на завтра – а сегодня всерьез говорим о войне и смертях.

– Однако мы с вами забываем, – продолжал Крыницкий, – что там, на Западе, – он взмахнул рукой куда-то на окна, и многие повернули головы в сторону запада, – там, в странах капитала, *они* сильнее нас. Если начнется новая война, нам придется воевать с половиной мира, и наши Светлые товарищи за железным занавесом будут первыми, кто пострадает. Пока цел заключенный после войны Договор – поддерживается равновесие не только между нашими Дозорами, но и между двумя антагонистичными системами социального устройства. А теперь вопрос: готовы ли мы с вами к такому развитию событий? Советую задуматься. На этом разрешите закончить.

Адам Францевич спустился в зал, опираясь на палочку. Ему никто не аплодировал. В образовавшейся паузе слово вновь взял Андрей.

– Товарищи, давайте сейчас не будем принимать никаких стратегических решений. Мое мнение – нужно провести расследование, и если придется сотрудничать с Дневным Дозором – мы просто вынуждены будем это сделать. Давайте остынем немного. Но при этом, – он повысил голос, – если *они* решат нанести нам предательский удар, мы должны быть готовы встретить их во всеоружии! Голосуем...

Предложение поддержали с небольшим перевесом.

– На этом заседание давайте считать закрытым, – сказала Владлена, – всех прошу разойтись по своим постам.

III

Андрей Яровой с удивлением и непониманием смотрел на тех коллег по Дозору, которые относились к Темным, как к таким же Иным, что и они сами, лишь, что называется, «отрицательно заряженным». Как протоны и электроны. Как «Спартак» и «Динамо». Скрытую войну с Дневным Дозором такие товарищи воспринимали без лютого блеска в глазах – как спортивное соперничество, а не борьбу на истребление. Встречались и сущие дезертиры, кто вовсе устранился от борьбы и приходил на помощь с неохотой (впрочем, такие были и в противоположном лагере).

Сам Андрей с первого дня новой жизни ненавидел Тьму и ее служителей. Началась эта жизнь в сентябре 1957 года, когда он повстречал Бориса Игнатьевича Гесера – на высших офицерских курсах «Выстрел» в Подмоскowie. Конечно же, эта встреча была не случайной. Позже Яровой по достоинству оценил всю советскую систему выявления потенциальных Иных: с ясельного и школьного возраста детишек объединяют в группы, они всегда под присмотром внимательных взрослых товарищей – в летних лагерях, в турпоходах и спортивных секциях. После школы – стройотряды, институты, комсомольские собрания, армия и флот, партийные мероприятия, митинги, политинформация и профсоюзный актив. Как же трудно кому-то настолько оторваться от коллектива, чтобы ускользнуть от холодного ищущего взгляда тех, кто создал такую систему. Сохранить в тайне свою Иную сущность. И мало было раскинуть эту сеть так, чтобы в нее попали все потенциальные дозорные, нужно было организовать в государстве систему воспитания, формирующую у ребенка, который, возможно, однажды заглянет в Сумрак, наклонности именно к Свету – а не к Тьме. С неисчерпаемой энергией строили эту систему еще в тридцатые годы, постоянно обновляя и совершенствуя. «Если мальчик любит труд, тычет в книжку пальчик, про такого пишут тут – он хороший мальчик». Из каждого радиодинамика, из каждой книги, из уст воспитателей и вождей любой советский гражданин получал регулярные послания: мы за добро, мы за мир во всем мире, мы за справедливость и честный труд. Целый народ программировали на битву за Свет. В совсем еще юные годы, до новой жизни, Андрея порой раздражало навязчивое вмешательство государства в историю и культуру (о чем он, конечно, никогда не говорил вслух). Для чего, спрашивал он себя, каждая детская сказка обязательно должна превращаться в летопись классовой борьбы? Так ли уж необходимо любой исторический роман, пусть даже о Древней Греции, наполнять суровыми подробностями о жизни угнетенных классов, о восстаниях и жестоких расправах от рук угнетателей? Книги, прочитанные в детстве, оставляли странное чувство – казалось, их герои были остановлены буквально в шаге от строительства коммунизма, будь то восставшие рабы Спартака, гелиополиты Аристоника Пергамского или приверженцы Тиберия Гракха. И кто разбивал их горячие устремления? Жестокие темные силы, слепо и неотвратимо подавлявшие все доброе и справедливое, – рабовладельцы, предатели, властные садисты. После того, как последняя страница книги была перевернута, хотелось куда-то бежать и что-то делать, чтобы остановить удушающую темную силу, погубившую героев и их дерзкие мечты. Когда Андрей оказался в Дозоре и посмотрел иным взглядом на эту систему, он пришел в восхищение.

Яровой много учился и много работал для дела Света; он не понимал, как можно в одном городе мирно уживаться с врагом. Он верил, что однажды настанет день, когда Договор будет разорван, и тогда – Андрей не сомневался – Москва будет очищена от Темной нечисти.

Учиться Яровому на добровольных началах помогал Адам Францевич Крыницкий. Андрей по-тимуровски бескорыстно доставлял старику на дом продукты из магазина, и тот с удовольствием проводил время в беседах с молодым Иным.

– Знаете, Андрей, – говорил Крыницкий, прихлебывая чай, – я могу вас понять, я сам был когда-то юным и горячим. Но представьте, что бы мы делали друг без друга – Темные и Свет-

лые? Мы же умерли бы от тоски. Или хуже того – принялись бы воевать внутри нашего Дозора, выясняя, кто светлее. А сейчас все гармонично, пусть и болезненно. Помните у Маркса? Единство и борьба противоположностей: диалектическое единство. Представьте себе, у меня были добрые знакомые в *их* среде... с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым мы даже немного дружили. Бедняга, он совершил фатальную ошибку, когда записал одну любопытную *подлинную* историю под видом фантастического романа: свои же Темные ему потом не дали жить; да и роман до сих пор не издан.

– Если так рассуждать, – криво усмехался Яровой, – то и с Гитлером надо было мирно уживаться, грозя кулаками из-за кордона. И с Муссолини, и с самураями.

– Что ж, разве status quo не был бы лучшей альтернативой для огромной массы людей, погибших во Второй мировой с обеих сторон?

Андрей не сразу нашелся с ответом. Он взглянул на мир глазами Иного совсем недавно, но интересы людей для него уже стали чем-то второстепенным. Человеческий мир становился лишь красивой ширмой, за которой творилась тайная история, шла игра с высочайшими ставками.

– Любая борьба не обходится без жертв, – угрюмо сказал Яровой, – мы, Светлые, тоже платим за будущую победу, и по самой высокой расценке.

– Выходит, цель действительно оправдывает любые средства?

Андрей нахмурился:

– Нет, я этого не говорю...

– И на том спасибо, – рассмеялся Адам Францевич.

– Нет, но... когда начинается открытая война, эти рассуждения теряют смысл. Понимаете, Гитлер явился в сорок первом, чтобы уничтожить нашу страну. И Темным мы в этом городе не нужны: они точно так же желают одного – нашей гибели. Свет и Тьма никогда не будут жить в мире! Ведь все вокруг отдают себе отчет, что наш Договор – фикция. Возможность перегруппироваться и нарастить мышцы для новой войны.

Крыницкий долго смотрел в окно на алые звезды Кремля, затем сказал со вздохом:

– Без Тьмы не будет и Света, Андрей.

В промозглое и сыкотное утро седьмого ноября 1957 года мотоцикл Яровой с треском и рокотом вкатился во двор массивного дореволюционного дома в Большом Комсомольском переулке. Андрей разогнал шумную стайку сбегавшихся посмотреть на мотоцикл мальчишек и помог Адаму Францевичу устроиться в коляске.

– Я помню, такой же мерзопакостный денек, – старик, сверкая золотым зубом, улыбался мальчишкам, – был сорок лет назад в Петрограде, когда начался этот любопытный эксперимент.

Они промчались через Старую площадь в Китай-город и, бросив мотоцикл на улице Степана Разина, пробирались через толпу к собору Василия Блаженного. Уже здесь Яровой кожей ощутил едва уловимую электрическую вибрацию воздуха – что-то подобное можно почувствовать вблизи находящихся под напряжением высоковольтных линий. «В Сумрак не суйтесь, Андрей», – не терпящим возражений тоном бросил старик. Он шагал неторопливо, но почти напролом – столпившиеся на подходах к Красной площади зеваки расступались перед ним, как шуга перед ледоколом. Андрей едва поспевал следом. Подойдя к оцеплению дружинников с красными повязками, Крыницкий коснулся золоченым набалдашником трости локтя одного из них и что-то шепнул ему на ухо. Глаза дружинника затуманились. Он грубовато пихнул в плечо своего товарища, освобождая проход на площадь для старика:

– Пропусти, ну. Кому говорю.

– Благодарствую, гражданин, – поклонился Крыницкий.

Заканчивался военный парад. Под бравурное гроыхание марша протопали мимо когорты летчиков в теплых шинелях, шеренги суровых моряков в бескозырках. На тонких

колесиках прокатились по брусчатке массивные ракеты, похожие на огромные карандаши. Солнышко прорвалось сквозь влажно-ватную пелену в небе и засияло серебром и медью на тубах оркестра, и тот, словно дождавшись сигнала, развернулся, зашагал – ать-два, ать-два – в колыхании красно-золотых выпелов вниз по Васильевскому спуску под «Прощание славянки».

После этого пять тысяч спортсменов в трико под музыку демонстрировали живые фигуры. Это выглядело довольно скучно: толпы перебегающих туда-сюда молодых людей и девушек. Впрочем, подумал Андрей, с высоты должно смотреться эффектно.

– На площадь вступают, – радостно сообщил голос женщины-диктора из динамиков, – трудовые коллективы столицы. Немеркнущим светом Великого Октября освещены лица советской молодежи.

– Пока можно пройти, идемте поближе к Мавзолею, – предложил Адам Францевич, – оттуда будет лучше видно.

Они неторопливо пересекли покрытую брусчаткой площадь: старик с тросточкой и поддерживающий его под руку молодой человек. Свидетелями этого наглого нарушения порядка были тысячи людей – и Яровой невольно похолодел, чувствуя себя под их взглядами словно муха на обеденном столе, – но никакой реакции не последовало. Будто все тысячи глаз в эту минуту были устремлены на что-то другое. А от Исторического музея, из боковых проходов, уже валили на площадь нестройные колонны с портретами вождей и охапками бумажных цветов. В динамиках зазвенел «Интернационал».

– Заветам великого Ленина верны! – умирая от счастья, проинформировала диктор. – Страна первого космического спутника, юная родина Октябрьской революции, сегодня на марше труда и мира!

Андрей приметил в толпе у подножия Мавзолея Ленина-Сталина знакомого парня из Ночного Дозора и помахал ему рукой; тот сдержанно кивнул в ответ. Зрители под кремлевской стеной возбужденно и весело обменивались впечатлениями о параде. Перед трибуной медленно проехал огромный транспарант с портретами Ленина, Хрущева и Маркса, за ним семенили пионеры с флагами республик СССР и стран Варшавского договора. «Красота, – подумал Андрей – когда бы еще я смог понаблюдать это все отсюда?» Крыницкий смотрел куда-то поверх голов, Яровой перехватил его взгляд – и почувствовал бегущий между лопаток холодный ручеек. По обе стороны Мавзолея будто прикрывали редкие цепочки Светлых; большинство из них были еще не знакомы новичку Дозора, но он уже безошибочно выделял их среди неприкаянных трудящихся столицы, приглашенных на трибуны поглазеть на шествие. Лица Иных были внимательны и сосредоточенны: лица сотрудников, занятых серьезным, может быть, даже опасным делом. Андрей поднял голову и оцепенел. Краем уха он уловил: «Интернационал» сменила песня «Смело, товарищи, в ногу». Диктор продолжала экстатический монолог:

– Вперед к новым победам, к неизбежному торжеству коммунизма во всем мире! Ура, товарищи!

Но Андрей уже не слышал ее. Он смотрел на Бориса Игнатьевича Гесера, что приветливо помахивал рукой с трибуны Мавзолея, стоя между товарищами Хрущевым и Брежневым. В элегантном бежевом плаще и щегольской шляпе шеф напоминал иностранного посла. Вот он обернулся, поймал изумленный взгляд Ярового, быстро подмигнул ему.

– Теперь можете заглянуть в Сумрак, – Адам Францевич говорил шепотом, но Андрей слышал его даже сквозь грохот музыки и шум толпы, – только на минутку, и сразу возвращайтесь назад.

– Я не хочу, – удивляясь себе, прохрипел молодой человек. – Что там такое?

– Лучше увидеть самому. Вы же Светлый дозорный, неужто боитесь?

«Он не просто так приволок меня сюда, этот седенький полячишка, – подумал Андрей. – Это часть обучения, возможно, даже какое-то испытание... В самом деле, да что же там такое?»

Он осторожно соскользнул в Сумрак – шум толпы сразу стал тише, зазвучал будто из-за стены. Дохнуло холодом. Музыка исчезла. Все звуки заслонило мерное ритмичное гудение – будто рядом работал на полную мощность огромный генератор. Черно-синим беспокойным морем колыхались идущие через площадь в сторону Василия Блаженного людские колонны, а над ними – Андрей задохнулся от удивления – переливалась исполинская радужная воронка. От каждого из проходящих мимо трибун человека она выхватывала тонкий ручеек Силы и уносила вверх, в мерцающее энергией небо, а оттуда направляла яростно скрученным жгутом в квадратное отверстие на крыше Мавзолея. Каждый, понял Андрей, каждый из тех, кто пришел сюда сегодня – и солдат, и зевака, и член Политбюро ЦК, и простой рабочий: сотни тысяч, возможно, миллионы человек за утро, – все отдали частицу своей светлой, праздничной энергии в этот общий котел.

Но какая же красота! И это Сумрак? По сравнению с этой искрящейся ослепительной картиной Сумраком скорее можно называть привычную реальность...

– Ну, все, все, будет вам, – потянул его за рукав Крыницкий, – выходите, пожалуйста. Вам вредно там надолго застревать.

– Еще минуточку...

– Достаточно, Андрей. В Сумраке она гораздо быстрее вытягивает энергию из вас. Теперь вы знаете, какими возможностями мы обладаем. Нашим оппонентам и не снилось подобное.

Вечером они сидели на уютной маленькой кухне у Крыницкого и пили коньяк.

– Адам Францевич, а как же мертвые тела в Мавзолее? – задумчиво спросил Андрей. – Ленин, Сталин...

– Это все дела человеческие. К магии отношения не имеют. Для нас интересно собрать большое количество людей на праздник в одном месте. Представляете, как мы процветаем на Новый год... Вот в сорок первом под Москвой отчего, как бы вы думали, захлебнулось наступление гитлеровцев? «Генерал Мороз», говорят... Ну, мороз-то, конечно, имел место, хотя *они* долго и тщательно готовили большую оттепель для облегчения движения танков... Не вышло – мы оказались сильнее. Немцев, Андрей, отбросили назад два красных дня в календаре – седьмое ноября и первое января...

*Москва, угол улицы Горького и Тверского бульвара,
11 сентября 1962 года*

Небо над Кремлем подернулось золотистой вечерней дымкой, когда Максим Баженов вошел в телефонную будку напротив Елисеевского магазина и набрал на жужжащем диске четыре тройки.

– Да? – отрывисто спросили в трубке.

– *Они* готовятся к штурму, – сухо сообщил Максим, – улица Горького перекрыта якобы для дорожных работ, ГАИ направляет машины в объезд. У *их* штаба строится баррикада, вдоль фасада стоят пустые автобусы. Со всех концов города к зданию стекаются Темные.

– Принято. Продолжайте наблюдение.

Максим повесил трубку, покачал головой – что можно тут наблюдать, издали? Пробраться бы к ним, послушать разговоры.

Нельзя. Узнают – утром на улице Восьмого Марта многие Темные видели его и, конечно, запомнили.

А что, если...

Он оглянулся – поблизости никого не наблюдалось. Обычно по вечерам на одной из центральных улиц столицы было многолюдно и шумно – но сейчас москвичи и гости столицы почему-то старались обходить эту часть города стороной. Светлый маг потянулся в Сумрак, припоминая слова давно не использованного заклятия. Холодная голубая тьма качнулась ему навстречу, заколебался густо разросшийся в телефонной будке синий мох... Если бы кто-то

наблюдал сейчас за Максимом со стороны, он увидел бы, как очертания его худошавой фигуры словно заволокло туманом, а когда туман рассеялся, за стеклом Максима уже не было.

Дверь телефонной будки приоткрылась, и на тротуар ступила сухонькая древняя старушка в черном платке и длинном, до пят, черном же монашеском платье. Она уверенно пересекла пустующую проезжую часть и засемила вниз по улице Горького в сторону Советской площади. Пенсионерка неодобрительно покосилась на небо, которое к вечеру из василькового стало мрачно-синим, как будто солнечный свет над этой частью города задерживала покрытая пылью пленка. Улицу покинули последние пешеходы – лишь иногда там и тут мелькали в окнах белые лица посправавшихся по квартирам обывателей. Шаркающие шаги старушки эхом отдавались от стен. Даже ветер стих в листьях деревьев, будто поспешил убраться подальше отсюда.

Она просеменила через Советскую площадь, погрозив высушенным кулачком Юрию Долгорукому на стальном коне, и здесь наткнулась на первую линию обороны. Двое широкоплечих ребят в серых добротных костюмах и шляпах остановили пожилую ведьму и потребовали идентифицировать себя. Старуха встретила взглядом выцветших голубых глаз с одним, потом с другим, ласково пролепетала что-то беззубым ртом.

– Роберт, – сказал один другому, – сигарета есть?

– Ты же только что курил. На, травись...

Парни затянулись сигаретным дымом, задумчиво глядя на пустую улицу перед собой.

– Ну и дела, брат. Ни одной живой души уже больше часа.

– Только зря торчим тут, угу.

Старая карга уже шаркала, согнувшись в три погибели, далеко от них – там, где тревожно перешептывались в полумраке липы, над которыми в густой вечерней тишине темнели вычурные острые башенки Исторического музея.

Вторую линию обороны Максим заметил издали – десяток мужчин и женщин с заряженными жезлами в руках у входа в здание штаба. Они замерли в оцеплении у выставленных в ряд напротив подъезда желтых городских автобусов. Перед автобусами высилась баррикада из перевернутых лавочек, разрушенных газетных киосков и вырванных с «мясом» из асфальта мусорных урн. Максим поколебался немного и решил не искушать судьбу. В конце концов, можно было получить информацию и не входя непосредственно в штаб – у баррикады и вокруг автобусов толклось немало Темных. Они горячо спорили, жестикулировали и курили. В основном это были хорошо одетые, ухоженные Иные – сразу бросалась в глаза разница между Темными и Светлыми, – но попадались экземпляры и поскромнее. К радости Максима, в толпе шныряли две или три старухи-ведуньи, весьма похожие на его фальшивую личину. Он тенью скользил вдоль баррикады, вслушивался в обрывки разговоров, но ничего интересного не узнал. Наконец проскользнул к одному из автобусов: здесь несколько Темных дозорных сгруппировались вокруг костерка, обсуждая предстоящее сражение.

– Если все это просто наглая провокация Светлых, – качал головой немолодой мужчина в кожаной куртке, – они своего добились. Теперь большой драки не избежать. Еще немного, и на Договор всем будет начхать.

– А что же Инквизиция? – спросил парень с прилизанными волосами, похожий на стилиста. – Самоустранилась?

– Если до сих пор Инквизиция молчала, проглотив языки, – значит предоставят нам разбираться самим. Для того чтобы кого-то судить, нужны мотивы, улики.

Значит, отметил Максим, доказательств вины Светлого Дозора нет. Или рядовые Темные о них просто не знают?

– Какие мерзавцы, – с чувством проговорила черноволосая, очень красивая женщина в дорогом пальто с лисьим воротником. Она стояла у самого костра, протянув руки к огню, и ее

огромные глаза сияли его отраженным пламенем. – Я бы лично убивала за то, что они сделали с Нодариком. Инквизиция – просто шайка дармоедов.

– Видели посмертный слепок его ауры? – спросил кто-то из-за спин. – Какими зверями надо быть, чтобы сотворить такое...

– Инквизиция давно продалась Светлым, – криво усмехнулся похожий на стилигу парень, – у них свои договоры, втайне от нас.

Говорившие замолкли, глядя на пламя, обдумывая сказанное. Огненные мошки уносились вверх, к темнеющему небу, и растворялись в холодном воздухе. Владелец кожаной куртки вскинул голову, нахмурился – стая ворон описала несколько кругов над улицей, беззвучно расселась на карнизах домов вокруг. Хищные птицы предвкушали пир.

– А вас, бабушка, каким ветром сюда принесло? – сказал «стиляга» и вдруг потрепал Максима по плечу. – Сидели бы дома, сушили бы свои травки. Сегодня в центре небезопасно.

Максим едва удержался от вскрика. Он быстро глянул на прилизанного парня – и опустил лицо.

– Не учил бы ты меня, что делать, сынок.

Получилось не слишком любезно.

– Я вас знаю, бабуля? – спросила черноволосая женщина. – Вы из Москвы? Все старушки наши у меня в бюро на учете.

– Из Гжатска мы, – буркнула «бабуля» и, воспользовавшись тем, что внимание Темных привлек какой-то шум у выхода из штаба, бочком-бочком скользнула в темноту.

Дневной Дозор выступал в поход. Никто не произносил громких речей, не было пафосных заявлений и подбадривающих криков. Темная армия разворачивала строй вдоль прямой и широкой улицы Горького. Они шли выяснить отношения, а если придется – и вступить в бой. Затарахтели двигатели автобусов – они выстраивались колонной и медленно отъезжали на север, в сторону Белорусского вокзала; следом спешили те, кому не хватило мест в салонах автобусов. Максим ковылял слева от нестройной колонны Темных, стараясь не отставать. Он ловил каждое слово в надежде узнать хоть что-то существенное, но напрасно. Об исчезнувших Темных магах говорили почти все – и все искренне верили в то, что это подлое дело рук «гесеровской шпаны». Они шагали через прохладные сумерки сентябрьского вечера – несколько десятков мрачных размытых фигур; и не нужно было никакого магического зрения, чтобы почувствовать пугающую черную Силу, закипевшую, изготавившуюся к броску.

Когда колонны вышли на покрытую мраком Пушкинскую площадь, Максим незаметно отстал и вскоре затерялся в боковых улицах.

Они явились на площадь у Белорусского вокзала одновременно – две примерно равные по количеству армии. К их приходу площадь уже опустела: люди словно вспомнили, что у них есть срочные дела где-то подальше отсюда, автомобилисты выбирали пути объезда, далеко не доезжая до улицы Горького, даже троллейбусы и автобусы исчезли куда-то. Солнце завалилось за горизонт, оставив на краю неба тревожную алую полосу.

Ночной Дозор прибыл на нескольких автобусах: они ярким сиянием фар ударили в толпу врагов на той стороне – но кто-то из Темных магов тут же ответил маскировочным заклятием, и электрические снопы света на середине площади тускнели, не в силах прорвать завесу тьмы. Светлые несли с собой факелы – их сполохи заполнили мост над железной дорогой; будто огненная река втекала на площадь. Глухо гудели сотни голосов. Окна многоэтажных жилых домов по краям площади погасли, неоновые вывески магазинов замигали и выключились. Завтра те люди, кто не успел покинуть свои дома, не вспомнят, как провели вечер. Но кто-то из них до конца своих дней будет видеть странный сон – видение в окне: две сошедшиеся армии на внезапно потемневшей площади... и умершие телефоны... и пляшущее пламя факелов...

и жуткое ощущение древней могучей силы, ворвавшейся в обыденную суетливую жизнь большого города.

- Мама, мама, что это там, на улице?
- Ничего, доченька, спи... закрывай скорей глазки.
- Но мне еще рано ложиться, мама!
- А ну немедленно спать, я сказала!

Андрей шагнул во главе первой колонны, он одним из первых вошел на площадь. Заглянул в Сумрак – и вздрогнул. Впереди по всей ширине площади и далеко по улице Горького клубилась черная, в лиловых прожилках, туча. Впереди нее дугой расположились два десятка Темных бойцов с заряженными жезлами. От них волнами исходила эманация пульсирующей, готовой вырваться на свободу разрушительной силы.

– Автобусы нужно поставить слева и справа, – сказал подошедший с группой рабочих Анатолий Матвеев, – пусть прикрывают наши фланги.

– Никто не принимал решения о выборе оборонительной тактики, – возразил Андрей.

– Ставьте автобусы справа, – вмешался в разговор Семен, – скажи ребятам, пусть занимают здание вокзала, там можно держаться долго, а фланги прикрыты соседними домами и мостом.

Зазвучали команды. В полумраке побежали от моста направо темные силуэты, покатились автобусы, шурша по асфальту тяжелыми покрывками, распугивая сумерки круглыми буркалами фар. Едко пахло бензиновым выхлопом. От Ленинградского проспекта продолжали подходить подкрепления, их рассредоточивали вдоль вокзала. Постукивая тростью, подошел седенький Адам Францевич в безупречном костюме, критически осмотрел линию обороны.

– Все уже здесь, товарищи, – сказал Матвеев, – не будем тянуть кота за хвост. Мой отряд пойдет впереди.

– Но я обещал *им* переговоры, – пожал плечами Семен.

– Касатики мои дорогие, *они* ж прискакали сюда драться – вы что, не видите?

– Их цели вторичны, наши всегда важнее.

– Лучшая защита – нападение!

– Прежде чем драться, давай поговорим. – Семен оставался невозмутим.

– Был бы еще предмет для переговоров, – осторожно сказал Андрей. Он ждал, что Крыницкий даст совет, но тот безучастно смотрел на тусклую россыпь звезд в черно-синем небе над острыми шпилями вокзала и молчал.

– Андрюха прав, – рубанул рукой воздух Матвеев, – *они* сюда пришли не мира кланчить, а мстить за своих. У нас их украденных дружков нет? И вины на нас нет! Мы вдарим, защищая себя, – и будем потом оправданы!

– Если мы победим. – Семен положил тяжелую ладонь Анатолию на плечо. – Конечно, у нас больше сил, даже без Гесера. Но у Темных есть преимущество: они сильнее хотят победить. Мы с Андреем видели их утром: они уверены в своей правоте. Это не какая-то банальная провокация.

Матвеев сжал челюсти:

– А мы не уверены в правоте? Да я только свистну – мои хлопцы сей же миг в ответку за Гесера *их* в асфальт по шеи вобьют. Сашка! – крикнул он в темноту – Собирай команду, выдвигаемся вперед по центру!

– Все давно готовы, Анатолий Сергеич! – зло пробасил в ответ Сашка.

– Я запрещаю вам... – начал Семен.

– Кто ты такой, чтобы запретить?!

– Еще минуту, – сказал Андрей, – а вы уверены, что Борис Игнатьевич не стоит за всем этим?

Все посмотрели на него. В свете факелов лица товарищей казались багровыми.

– Я уже говорил вам – не верится, что Гесер дал бы так просто удавить себя или взять в плен. Он сумел бы подать нам знак. Темные утверждают, что они непричастны к его исчезновению, – и я склонен им верить.

– Тогда кто же, по-твоему, его... – встрял Матвеев.

– А если никто? Если он сам? Может быть, это часть какого-то хитрого плана. Может быть, он сейчас издалека наблюдает за происходящим и потирает руки.

Краем глаза Андрей следил за Адамом Францевичем. Тот во время его речи не проявил никаких эмоций. Он стоял на границе света и тени, слегка ссутулившись, опираясь на трость.

– Я не думаю, что Борис Игнатьевич устроил весь этот переполох, – покачал головой Семен, – ты его плохо знаешь, Андрюха. Если бы это все было его рук дело, мы бы почувствовали его направляющую волю – пусть даже цели и мотивы не ясны.

– Я все же думаю, что неплохо успел узнать его, – спокойно возразил Андрей. – Гесер – мастер интриги. Чтобы прочесть его игру, нужно быть таким же мастером. Кроме него, просто некому было поднять такую волну.

– *Они* идут, – сказал старик, – слава Свету, им хватило рассудка, чтобы не ударить без предупреждения.

По толпе перед вокзалом прокатился глухой ропот – и сразу стих.

Через сквер мимо памятника Максиму Горькому приближалось что-то. Как ни напрягал Андрей зрение, он смог разглядеть только движущийся в полумраке кокон тьмы.

– Всем приготовиться! – зычно крикнул Матвеев.

– Без команды огонь не открывать! – добавил Семен.

– *Они* пришли разговаривать, а не драться, – без уверенности сказал Андрей.

Матвеев покачал головой:

– Ох, братцы, вы еще пожалеете, что меня не послушали. Да поздно будет.

– Не стоит подпускать *их* близко к нашим позициям, – сказал знакомый голос позади. Андрей рывком обернулся и увидел Максима Баженова. Лицо его выглядело изможденным.

– Рад тебя видеть, – кивнул Андрей. – Товарищи, Максим совершенно прав. Кто знает, что у них на уме. Идемте, встретим их на площади.

Клубящийся кокон тьмы рассеялся, когда группа Светлых приблизилась к нему на расстояние в десяток шагов, – рассеялся в вечернем воздухе, словно дымок от папиросы. Темных явилось для переговоров четверо: уже знакомый Андрею по утреннему столкновению мрачный парень, совсем юная девица с длинной каштановой косой, наголо бритый здоровяк в кожаном пальто до пят – тот взирал на Светлых как готовый сорваться с цепи бульдог. Впереди делегации легкой походкой шла высокая женщина в узкой черной юбке. Первой мыслью Андрея было – как же ей в такой юбке неудобно будет сражаться. Лучше бы надела брюки и ботинки, как ее молоденькая помощница с косой.

– Ламия, – назвал женщину по имени Семен и с усмешкой наклонил голову в знак приветствия.

Предводительница Темных коротко кивнула – без ответной улыбки. Ее волосы были золотисто-русыми, глаза – пронзительно-зелеными, как у русалки. В длинных тонких пальцах Ламия держала что-то вроде длинного черного прутика. Она быстро скользнула взглядом по Андрею и Адаму Францевичу, на мгновение задержалась на Баженове и затем вернулась к Семену.

– Наши условия просты, – сказала Ламия неожиданно глубоким и красивым голосом, – вы освобождаете всех похищенных Темных. Гесер держит ответ перед Инквизицией.

– Ах ты, моя хорошая, – рассмеялся Семен, – а если не выйдет по-твоему?

– В противном случае мы ударим всей мощью.

– Мы ударим своей, – пожал плечами Семен.

Ламия оставалась бесстрастной, как изваяние Нефертити.

– Вам известно, что последует за этим. Западный Дневной Дозор не оставит нас без помощи.

Она вдруг остановила взгляд на Андрее. Следующие минуты – до того момента, как переговоры полетели к черту, колдунья смотрела прямо в его глаза, и молодому человеку стоило больших усилий не отвести взгляда.

– Ламия, ты столь же умна, сколь и красива, – дружелюбно сказал Семен, – задумайся на минуту: зачем нам все это? Если хочешь знать, у нас многие склонны считать происходящее вашей провокацией. Гесер исчез без следа – возможно, убит. С вашей стороны потери выглядят смешными – пять или шесть несерьезных фигур. Шесть пешек в обмен на короля. Да это нам пристало грозить вам ударом!

– Мы не верим ни одному вашему слову. – Ламия продолжала смотреть в глаза Андрею, и тот чувствовал, что вот-вот утонет в этом зелено-золотом омуте. – О, это бесконечное вероломство Гесера... Сколько раз уже наносил он нам предательские удары и всегда умел после выставить себя в благородном свете.

– Дорогая моя...

– Я тебе не дорогая, – резко оборвала ведьма. – Даю вам один час, Светлые. Или Гесер появится здесь и объяснится – или мы используем свое право на месть.

– Мы не оставим никого из вас в живых, – спокойно сказал Андрей. – Вы навсегда потеряете Москву для Тьмы.

Несколько оглушительных мгновений они буравили друг друга взглядами. Потом ресницы Ламии дрогнули. Ведьма отступила на шаг и вдруг вскинула руку с зажатым в ней черным прутиком.

– Тушим свет, – обреченно констатировал Семен.

– Я же предупреждал вас... – начал Матвеев, но в тот же момент наголо бритый здоровяк навалился на него, словно гора мяса.

Губы Ламии зашевелились, готовясь извергнуть заклятие, – и в этот момент Андрей почувствовал, что всего пара секунд отделяет его от гибели. Ткань реальности заколыхалась, Сумрак ворвался в нее холодной горной рекой. В ледяном мраке рука ведьмы выглядела словно факел, пылающий бледным огнем. Чудовищная сила исходила от него – и в короткой вспышке призрачного света Андрей увидел бегущие через площадь шеренги Темных. Он успел заметить рядом Максима, пытающегося соткать защитную сферу (как сегодня утром); тоскливое предчувствие охватило Ярового. «Медленно, слишком медленно... Может быть, мы и выиграем бой, но я уже не увижу этого».

– Остановитесь! – прогремел властный голос.

В тот же момент Андрей почувствовал, как кто-то с силой толкнул его в сторону. Он увидел себя лежащим на асфальте, рядом – упавшего ничком Максима. Ламия так и не опустила руку со своим страшным оружием, она с ужасом и яростью смотрела куда-то в сторону – туда, где из-за украшенного арками и скульптурами рабочих вестибюля метро вываливалась на площадь Белорусского вокзала скромная боковая улочка.

Замерли сцепившиеся в медвежьих объятиях Матвеев и бритый громила из Дневного Дозора. Остановились летящие навстречу друг другу Темная и Светлая армии. Вдруг стало оглушительно тихо и спокойно. Андрей увидел зацепившуюся за шпиль вокзала снежно-бледную Луну – в ее струящемся свете поле несостоявшегося сражения было видно почти как днем. В тишине лишь негромко рассмеялся Адам Францевич. «Старикан спас меня, – понял Яровой. – Это он оттолкнул меня в сторону, меня и Максима. Если бы я продолжал нагло смотреть прямо в глаза этой стерве – она бы в любом случае убила меня и Баженова за компанию».

– Однако чувствуются любители театра, – сквозь смех сообщил Крыницкий, – такую драму разыграли. Не хватает фанфар из ямы под сценой да грома аплодисментов.

Ламия обожгла его диким непонимающим взглядом – готовая в любой момент опустить руку и оборвать жизнь старика.

– Остановитесь! – повторил властный голос.

Теперь все уже увидели их – и обе армии медленно отхлынули в сторону, уступая им дорогу. Три высокие тонкие тени приближались из боковой улицы.

– Инквизиция, – прохрипел Максим, – что-то долго они.

– Я уже и не ждал. – Крыницкий закашлялся сквозь смех, и Андрей понял, что на самом деле он очень напуган.

Три фигуры остановились перед двумя группами парламентаров. Матвеев, потирая шею, отступил к Семену. Андрей вскочил на ноги.

– Вот наш вердикт, – проговорил все тот же властный голос, и его слышали в каждом уголке площади. – Сегодня вы все разойдетесь с миром. Дневному Дозору и лично тебе, Ламия, мы выносим строгое предупреждение. Вы не имели права нарушать Великий Договор. Только наше вмешательство остановило сейчас большую войну. Впрочем, у вас есть призрачное оправдание – вы были уверены, что сами стали объектом нападения. Поэтому на сей раз ограничимся предупреждением. Теперь вы, Ночной Дозор.

Говоривший повернулся к Светлым, и Андрей увидел высокий белый лоб, пронзительные черные глаза в сетке морщин и густые седые усы. Яровой невольно отступил на шаг – под этим взглядом он чувствовал себя так, словно на него уставились два орудийных ствола.

– На Ночной Дозор падает тяжелое подозрение, – глухо проговорил Инквизитор. – Нет никакого оправдания тем, кто похищает и до смерти пытается Иных из противоположного лагеря. Это не единичная акция, за которую мы могли бы судить и карать одного из вас, – это грубое и тяжкое нарушение Договора. К счастью для преступников, никому не удалось пока поймать их с поличным или обнаружить улики. Мы не верим в то, что против Темных действует одиночка. Работает организованная группа, и ее наглая агрессия угрожает самому равновесию Сил. Поэтому слушайте наш вердикт.

Если в течение двух суток, начиная с этого часа, Ночной Дозор не найдет и не представит на суд Гесера или не отдаст нам виновных в убийстве – Ночной Дозор будет подвергнут карантину. Все зарегистрированные в Москве и ближайших областях Светлые будут отлучены от Сумрака и подвергнуты принудительному изучению памяти. Хотите вы этого или нет – мы установим виновных и покараем их. Все проекты Ночного Дозора будут приостановлены до полного окончания расследования и суда над преступниками. На этом все. У вас есть два дня.

IV

Москва, штаб Ночного Дозора,

12 сентября 1962 года

– Радостно встречает советская столица посланцев далекой народной Кубы!

Андрей вздрогнул, проснулся. Он лежал на кушетке в кабинете Гесера, накрывшись плащом. За окном золотился роскошный сентябрьский полдень. Телевизор «Темп» в углу кабинета (по его черно-белому кинескопу бежали полосы) бодрым мужским голосом сообщил:

– Фидель Кастро Рус и его брат Рауль посетили с официальным визитом столицу первого в мире социалистического государства. Многочисленная кубинская делегация возложила цветы к Мавзолею Владимира Ильича Ленина.

«Я заснул и не выключил телевизор, – вспомнил Андрей. – Я просидел здесь всю ночь, размышляя над ловушкой, в которую мы угодили, и кто-то из ребят, кажется, Рома и Юлька, приходили сюда, а потом Семен и Максим (надо будет все-таки выпросить у него, откуда приехал и прочее), и мы курили и спорили до рассвета. Утром я выпил горячий кофе и включил этот говорящий ящик, чтобы посмотреть новости, – но кофе только согрел, а не взбодрил. Я отключился прямо в одежде».

На экране возник чернобородый Фидель. Он что-то горячо говорил в микрофон, его суровый образ плохо вязался с елейным воркованием диктора теленовостей.

– Идеи великого Ленина вдохновили нашу революцию, – сказал кубинский руководитель после возложения цветов. – Наш сражающийся народ чувствует всемерную поддержку братского советского народа, советского правительства, Никиты Сергеевича Хрущева. Остров Свободы гордо несет знамя борьбы трудового народа под самым боком у главной гиены империализма – Соединенных Штатов Америки. Мы никогда не прекратим сражаться. Мы погибнем или победим, товарищи! Родина или смерть!

Скрипнула входная дверь. В щель между створками всплыла белая пушистая голова Крыницкого.

– Поспали немного, Андрей? Славно. Вам понадобятся силы.

Старик вошел в комнату, аккуратно прикрыл за собой двери, выключил телевизор. Остановился посередине, задумчиво переводя взгляд с заспанного Ярового на заваленный бумагами письменный стол, на поблескивающие в стеклянном шкафу кубки соцсоревнований и чучело лупоглазой совы меж ними.

– Мы с ребятами вчера перерыли тут все у Бориса Игнатьевича, – понуро объяснил Андрей, – искали хоть что-то, хоть какой-то намек...

– Успешно?

– У него все под шифрами. А если без шифра – то ничего важного.

– Это не от вас защита. Поставьте себя на его место – ежели бы до этих документов как-то добрался Дневной Дозор? М-да... Я, собственно, вот зачем пришел. Они там, – старик взмахнул рукой, – собирают Совет Магов. Меня уже пригласили – думаю, и вас позовут. Вот вам мой совет, дружок, – откажитесь.

– Считайте, что уже отказался. Штаны на заседаниях протирать – увольте.

– Дело не в штанах, вернее, не только в штанах. Я уверен – этот Совет денно и ночью будет занят решением одной неразрешимой задачи: что и как мы будем скрывать через два, то есть уже через полтора дня. Когда в наших с вами разумах будет копаться Инквизиция.

– Заранее лапки вверх подняли, – зло сказал Андрей. Он рывком соскочил с кушетки, критически осмотрел свой измятый костюм. Трижды щелкнул пальцами – и одежда тут же приобрела такой вид, будто только что из ателье. Затем плеснул из холодного чайника воды в

стакан, высыпал ложку чайной заварки; провел рукою над стаканом – и вода в нем мгновенно закипела, исходя паром.

– Вы не понимаете, – говорил в это время Адам Францевич, сверкая пенсне, – конечно, кто-то будет стараться найти путь выхода из кризиса. Обсудят какой-нибудь план поисков, возможно... Однако все мысли будут возвращаться к одному – что станется, если мы не выполним требования Инквизиции.

– Что тут такого страшного? Пороются у нас в памяти. Мне, к примеру, нечего скрывать – пусть хоть сейчас приступают.

– В том-то и дело: придется открыть все. И в том числе то, что Инквизиции – и вообще кому бы то ни было со стороны – знать категорически нельзя. Будут препарировать каждого. Обязательно всплывут какие-то уже совершенные нарушения Договора – без них ведь невозможно работать. Начнутся скандалы. Последуют санкции. Будут рассекречены все запланированные или уже начатые проекты. Кому-то придется раскрыть свою память за многие сотни лет. Это будет настоящая катастрофа. Вы читали о викингах? Знаете, на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры они обладали огромными силами. Их королевства расцветали по всей Северной Европе и даже в Средиземноморье. Норманнские князья правили от Новгорода и Киева на востоке до Дублина и Рейкьявика на западе. Они держали в руках многие торговые пути, а значит, контролировали экономику половины континента. Конечно, сейчас многие деяния норманнов кажутся жестокими, но таким было их время. Обладатели прекрасного флота, непобедимые воины, искусные строители – вот кем они были. Европа быстро стала тесна для них, и викинги нацелились на закат – в те земли, что сейчас зовутся американским континентом. Там уже побывали их разведчики, уже строился новый огромный флот...

Андрей прихлебывал горячий крепкий чай, стараясь не пропускать ни слова.

– Нужно ли говорить, что за викингами стоял некий Дозор? Конечно, тогда еще никто не называл его так – вообще все было несколько иначе, чем сейчас, гм... Для краткости будем называть просто Дозором. Так вот, их вождь, норвежский король Харальд Суровый, замечательная персона для своего времени, допустил ошибку. Он опрометчиво дал клятву, которая позволяла при определенных обстоятельствах раскрыть раннесредневековому аналогу нашей современной Инквизиции память всей верхушки его клана для доказательства чистоты намерений. Клятву эту нарушить было невозможно. И соперники этого Дозора, действуя тонко и терпеливо, привели Харальда к ситуации, когда он был вынужден исполнить клятву.

– И что дальше?

– А дальше... ничего особенного. Никто напрямую не препятствовал викингам в их устремлениях, но... планы по созданию королевства в Америке все время переносились из-за различных обстоятельств. То затяжные шторма, то неотложные дела, затем вспыхнула междоусобная война из-за прав на датский полуостров. Через несколько лет Харальд погиб в Англии в сражении при Стамфорд-Бридж. Стрела пронзила ему горло. Самая обычная стрела, никакого колдовства... Еще некоторое время викинги тревожили Европу своими набегами, но вскоре их экспансия стала сходить на нет. На начало двенадцатого века приходится последний всплеск их активности – крестовый поход в Палестину. После этого скандинавские страны постепенно стали превращаться в тихую и спокойную европейскую окраину. Центр противостояния Темных и Светлых сил переместился южнее. Колонизация Америки была отложена на целых четырехста лет.

Андрей, у нас сейчас не Средние века, и те проекты, которыми заняты Дозоры на планете, куда важнее и в чем-то опаснее для каждой из враждующих сторон, нежели освоение какого-то там заморского континента.

– Вы считаете, что беспристрастные и нейтральные по природе своей Инквизиторы способны передать наши секреты в руки...

– Я ничего не утверждаю! Я только указываю на возможные последствия. Весьма возможные. Пусть даже Инквизиция вне подозрений – рассекреченные планы и проекты придется выбросить и составлять новые. Мы потеряем время, потеряем ресурсы и вынуждены будем идти окольными путями там, где уже был рассчитан наиболее точный и эффективный прямой маршрут. Израсходуем огромное количество энергии. Тем временем наши оппоненты найдут способ обогнать нас или расстроить наши начинания. Вы знаете, как приняли новость о вчерашнем вердикте в стане Темных?

– Ну, они выглядели довольными, – кивнул Андрей.

– Там настоящее ликование! Максим Баженов был сегодня утром у них в лагере – он как-то наловчился прикидываться Темным, и его не трогают. Так вот, теперь либо мы сдадим им виновных в похищениях и убийстве (а они искренне верят, что это наших рук дело), либо замораживаем все планы и фактически сворачиваем на неопределенное время начатый в семнадцатом году эксперимент. Прибавьте к этому бесследное исчезновение такого сильного врага, как Гесер! У них праздник!

– Вы меня убедили, Адам Францевич. Что нужно делать?

– Не знаю.

Андрей поперхнулся чаем.

– Не знаю, – устало повторил старый маг, – и, думается мне, никто не знает. Логично было бы сейчас пойти к Темным и поговорить с теми, кто ведет расследование похищений. Возможно, у них есть полезная информация. Но их ответ известен заранее. Они нам помогать не станут. Матвеев предлагает провести собственное ментоскопирование наших сотрудников и так выявить виновных. Однако штука в том, что нам не нужны подобные методы для того, чтобы убедиться в невиновности наших ребят. Никто из наших не причастен к истории с похищениями.

– Мы вчера уже обсуждали с Семеном, – сказал Андрей, – если искать, кому все это выгодно, то, выходит, самим же Темным. К этому все пришло.

– Не так все просто. Они не могли заранее знать, каков будет вердикт Инквизиции.

– Значит, у них там есть свои люди.

– Ах, Андрей, вы еще молодой сотрудник, поэтому вам простительно делать подобные заявления... Давайте так: версию с вовлеченностью Инквизиции не будем рассматривать всерьез. Просто поверьте, что это невозможно.

– Добро. Тогда предположим, что Темные срежиссировали сложившуюся ситуацию в расчете на всякий возможный урон, какой смогут нам нанести. В любом варианте развития событий баланс сил изменится.

– В таком случае логично считать, что и исчезновение Гесера – их рук дело.

– Да, – кивнул Андрей, – и тогда получается, что Анатолий Матвеев прав на все сто. Кстати, если Гесер так и не вернется, товарищ Матвеев скорее всего займет его место.

– Совет с удовольствием утвердит его. Хотя лично я не стану голосовать за кандидатуру Матвеева. На посту главы московского Ночного Дозора нужен византийский хитрец, а не прямолинейный трудяга.

Некоторое время они молчали, глядя на пустое кресло Бориса Игнатьевича, на неряшливый ворох документов на столе. Скоро здесь все изменится, здесь поселится новый Иной, со своими привычками, запахами, бумажками. А что останется от предыдущего хозяина, которого так долго любили, уважали, боялись? Только память...

– Я мог бы попытаться найти его, – сказал Андрей, – еще не знаю, как и где... но нужно искать. Нужно что-то делать.

– Попробуйте, – без энтузиазма ответил Адам Францевич. Он задумчиво тер виски кончиками пальцев.

– Стоп, – возразил сам себе Яровой, – я думаю, его уже поискали. Если не нашел Семен – вряд ли что-то получится у меня. Глава Ночного Дозора – не какая-то глупая иголка в стоге сена. Я уверен, что Семен просеял по травинке все стога в округе по нескольку раз.

Он подошел к окну и, сложив на груди руки, посмотрел во двор. Там несколько молодых ребят строили у подъезда баррикаду из мешков с песком.

– Нужно попытаться найти пропавших Темных, – сказал он.

Крыницкий поднял голову.

– Если мы предоставим суду этих ребят живыми, с нас будут сняты основные обвинения. Пусть тогда ментоскопируют меня на предмет алиби – в моей черепушке ничего особо секретного. Если же мы найдем трупы, то по крайней мере у нас появятся какие-то улики, зацепки. В любом случае это будет жест доброй воли с нашей стороны, который суд не может не учесть. И наконец, это может помочь напасть на след Гесера. Все исчезновения, несомненно, связаны.

– Да, это может сработать, – согласился старик, – однако вы непременно натолкнетесь на сопротивление Темных в своем расследовании.

– Я их не боюсь.

– Но вам не удастся сохранить ваше следствие в тайне.

– И что?

– Не понимаете? Если Темных похитил сам Дневной Дозор – а вероятность этого приближается к стопроцентной, – тогда последует команда остановить вас любой ценой. Любой ценой, учтите.

Андрей пожал плечами:

– Я уже сказал, что не боюсь их. Я все сделаю один. Никто из наших не попадет под удар.

Адам Францевич подошел к Яровому, положил руку ему на плечо.

– Хорошо. Я постараюсь помочь вам, чем смогу.

– Только одно – удержите ребят, пусть не пытаются оказать мне помощь. Пусть думают, что я занят какой-то важной работой и меня нельзя отвлекать.

– Все так и обстоит на самом деле, – улыбнулся Крыницкий. – Удачи вам, Андрей.

Он дошел до двери и остановился на пороге.

– Знаете, что страшно? Сегодня я всю ночь думал над этим принципом *Quid prodest*. Кому выгодно. Мы в первую очередь попытались определить, кому выгодно совершенное преступление. Нам, Светлым, оно не нужно, это ясно. Темным – пожалуй, выгодно, учитывая возможные последствия... Но как-то не складывается для меня лично заговор Темных в логичную картину. А если, подумал я в какой-то момент, есть кто-то еще? Некая третья сила? Что, если люди как-то узнали о существовании Дозоров и о нашей борьбе – узнали и сумели скрыть от нас это знание? Человеческая наука развивается стремительно: они вышли в космос, они научились расщеплять атом, победили многие болезни... Предположим, с помощью науки люди как-то нащупали, как-то вычислили наше присутствие рядом...

Андрей почувствовал, как по спине побежал холодный ручеек.

– Что, если они решили действовать против нас? – спросил старик. – К примеру, натравили Темных на Светлых. Ослабляют нас нашими же руками? Понимаю, трудно даже представить что-то подобное. Но все же подумайте над этим, Андрей.

– Обещаю подумать.

– И берегите себя.

Андрей несся на мотоцикле через город и всюду замечал что-то новое, непривычное. Выключенные светофоры на Садовом кольце. Закрытые кинотеатры. Неработающий рынок на Цветном бульваре. В воздухе было словно разлито напряжение, оно скапливалось на верхних слоях Сумрака и оттуда выплескивалось в обычный мир. Количество людей и автомобилей на улицах стало заметно меньше. Кто-то стоял за каждым отключением электричества, за каждым

закрытым учреждением. Экономия энергии? Подготовка к войне? Что, если старый маг своим последним предположением попал в десятку? В конце концов источник угрозы будет обнаружен, и хрупкое равновесие Сил неминуемо восстановят. Но мир вряд ли останется прежним.

Мысли Ярового занимала Тамара Андреевна Монк. Он страшно жалел, что не допросил ее толком, когда она оказалась у него в кабинете. Теперь будет непросто поговорить с ней снова. Впрочем, если есть хотя бы небольшой шанс, нужно его использовать.

В этот раз Андрей добирался до площади Дзержинского, оставив далеко в стороне улицу Горького. Он бросил мотоцикл на тротуаре у главного входа в Комитет Госбезопасности под знаком «Остановка запрещена» (короткое заклятие – и машина становилась невидимой для часовых и патрульных милиционеров, поэтому Яровой никогда не волновался, что ее реквизируют) и прошел через проходную, взмахнув красной с золотом корочкой. После всего, что случилось вчера, он вовсе не был уверен, что застанет своего Темного коллегу по КГБ в его кабинете, но тот оказался на месте.

Леонид изготавился совершить легкий перекус. На его рабочем столе красовались бутылка красного вина, тарелка сыра с плесенью, лежали бутерброды с черной и красной икрой, из хрустальной вазы с фруктами свешивалась влажно блестящая изумрудная кисть винограда. Кабинет выглядел уютным и чистым, как комната в жилом доме: высокий книжный шкаф, пара желтых кожаных кресел, телевизор, стол из дуба, четыре стула. Кроме закуски и красного пластмассового телефонного аппарата с новеньким серебряным диском, на рабочем столе больше ничего не было. Андрей подумал, что его кабинет выглядит совсем по-другому: заваленный бумагами стол, картотеки и пыльные стопки книг. Темный маг никак не ожидал появления Ярового. Он замер с полным бокалом вина в руке – и Андрей с удовольствием наблюдал на его смуглом лице тень страха, смешанного с растерянностью.

– Привет, – бросил он, – не бойся, я к тебе по делу.

– Привет, – недоверчиво протянул Темный.

Он отставил в сторону бокал и медленно поднялся на ноги.

– Да ешь, ешь. Чего ты вскочил, – усилием воли подавив раздражение, сказал Яровой, – приятного аппетита.

– Спасибо, – еще больше удивился Леонид.

Андрею не нравилось все это. Он редко заговаривал со своим коллегой-врагом – и только по необходимости. Перспектива нового долгого общения с Темным угнетала его. Еще больше угнетало то, что придется к противнику обращаться с просьбой. Вот же сволочи, подумал Андрей, глядя на стол. Страна еще не успела забыть послевоенные продуктовые карточки, а у этих всегда икорка, балычок, винишко заморское. Распрекрасное житье. Леонид словно прочел его мысли. Он уже пришел в себя. Ухмыльнулся, широко взмахнул рукой – черноволосый, изящный, как испанский гранд:

– Милости прошу, любезный враг, к моему скромному столу. Угощайся, от души предлагаю. Работаем рядом давно, а вот познакомиться толком не успели.

Андрей подвинул поближе стул, сел напротив Темного, но к еде не прикоснулся. Глумись сколько угодно, говорили его глаза, я все вытерплю ради дела.

– Мне нужно поговорить с той девушкой. С Тамарой Монк.

Леонид скорбно покачал головой:

– Вряд ли ты когда-нибудь в этой жизни еще раз увидишь ее.

– Ты можешь устроить мне встречу с ней?

– Зачем она тебе понадобилась? Она – жена Темного. Ее проблемы – наши Темные дела.

– Ты не ответил на вопрос.

– И ты не ответил...

Андрей с ненавистью смотрел на бутерброды с икрой. Леонид так и не прикоснулся к пище – он словно дожидался окончания беседы, когда можно будет спокойно перекусить.

– Я хочу помочь найти ее мужа.
– Мужа? – Одна из черных бровей Леонида приподнялась. – Он твой родственник, что ли?

– К счастью, не родственник и даже не знакомый! Но найти мне его нужно.

– Тебе – или твоим Светлым друзьям?

– Я действую самостоятельно. Ночной Дозор ни при чем.

Леонид глубоко вздохнул, задумчиво прикрыл веками черные глаза.

– Допустим, я поверил тебе. Ты хочешь помочь нам в поиске наших товарищей. Ты, Светлый Иной, Яровой Андрей, предлагаешь нам помощь – в обмен на мою помощь. Зачем горячему молодому комсомольцу понадобилась эта сделка, прикинем? – Он поднял бокал вина в сторону приоткрытого окна, посмотрел на солнечный свет сквозь кроваво-алую жидкость. – Или тут какая-то каверза вашего Дозора, и тебя, Андрей, используют втемную (извини за каламбур). Или же ты преследуешь какие-то свои сугубо личные интересы, которые на некоторое время могут совпасть с нашими, но потом неминуемо разойдутся. В любом случае моя сторона в итоге теряет очки в игре.

Он сделал маленький глоток вина, одобрительно причмокнул.

– Я не собираюсь скрывать от тебя, – холодно сказал Андрей, – сам Монк мне не интересен. Я должен найти Гесера.

– Найти его? А куда он уехал?

– Не придируйся. Он так же исчез, как и твои Темные приятели. Никто ничего не знает, никто ничего не видел, никаких концов. Чпок – пустое место! Единственная свидетельница во всем этом деле – Тамара. Дай мне с ней хотя бы поговорить.

Взгляд Леонида подернулся задумчивой пеленой.

– Ты хочешь сказать, нелюбезный мой, что не вы убили Нодарика? Светлые ни в чем не виноваты?

– Да, не виноваты.

– Ты уверен в этом?

Яровой в ярости топнул ногой.

– Если бы я был хоть в чем-то уверен! Ладно, допустим, это проделки Гесера. Никого в Дозоре не посвятил в свои планы – может быть, сошел с ума и начал убивать направо и налево...

– О, – в восторге прошептал Леонид, – роскошная версия!

– В любом случае мы должны вместе расследовать это дело, а не пытаться друг друга уничтожить.

Темный маг тяжело вздохнул:

– Вынужден огорчить, дорогой коллега. Я не стану помогать тебе. Ты говоришь логичные вещи, и, вполне возможно, это действительно должно было быть наше общее расследование, но... Ты упускаешь моральный аспект. Мы, Темные, не сотрудничаем с вами. Дозоры не работают вместе. Никогда. Потому что это недостойно, понимаешь? Как белые и красные. Монтекки и Капулетти. Кошки и собаки.

– При чем тут собаки?!

– Ведь вы, Светлые, тоже не прибегли бы к такой просьбе. Вы и не прибегли! Ты пришел сам, одиначенек, без приказа сверху. Это омерзительное, дурно пахнущее пятно только на твоей совести.

Леонид вдруг стал грустен. Он положил голову на ладонь и смотрел в окно на клочок голубого неба, на шумную, людную улицу Дзержинского вниз. Рука его сама собой потянулась к тарелке с бутербродами.

– Постой, – Андрей отодвинул тарелку в сторону, – я не прошу тебя мне верить и ничего не стану обещать. В конце концов, я могу сам ее найти и допросить...

– Какая пошлая самоуверенность...

– Но я потому к тебе и пришел, по своей воле, что не замышляю ничего худого против вас. Если помогу вам найти Монка и других – прекрасно. Не смогу – до свидания, ищите сами. Я ведь с Тамарой первым говорил, она в мое дежурство пришла. Я знаю, о чем спрашивать.

Леонид поднял голову:

– Что такого она сказала тебе? Со всеми родными и близкими похищенных товарищей уже поработали наши лучшие специалисты. Ничего нового ты нам не дашь.

Андрей едва заметно усмехнулся, и Темному это не понравилось. Леонид взял гроздь винограда из вазы, некоторое время смотрел на нее с задумчивым неудовольствием, затем бросил обратно.

– Черт с тобой, – вздохнул он, – я поговорю с Ламией, пусть она решает. В конце концов, кто я такой? Простой офицер огромной армии. На мой мундир это пятно не ляжет.

И Леонид вновь потянулся за бутербродом.

– Так не пойдет, – снова отодвигая тарелку, сказал Яровой, – видел я вашу Ламию. Будет скандал, нам с тобою обоим намылят шею – это раз. Не забывай: среди наших или ваших есть те, кто все это спланировал; они попытаются вмешаться и даже убрать свидетеля – это два. Так что – только мы с тобой.

Леонид надолго задумался, затем тяжело вздохнул:

– Не могу я на это пойти, враг мой... Перестану уважать себя. Даже если никто не узнает.

Андрей не выдержал. Обежал вокруг стола, схватил Темного мага за грудки.

– Ты видел, что эти твари сделали с вашим Нодаром? – прорычал он глухо. – Ты видел? Пока мы с тобой тут сейчас прохлаждаемся, из Монка и Гесера, может быть, также душу по клочкам вынимают. Тебе что, все равно, самодовольный ты олух?! Неужели никто из тех пятерых не был твоим другом?

– Отпусти меня...

– Леня, Леня, черт побери, неужели в тебе нет ни капли жалости к ним?

– Отпусти же, или мой кабинет сейчас убьет тебя.

Андрей разжал пальцы. В тот же миг его ладони ощутили что-то вроде легкого удара током, в носу зашипало, волосы по всему телу встали дыбом. Темный маг невозмутимо, как будто ничего не произошло, разгладил складки на костюме, поправил зализанные назад черные волосы, отхлебнул вина.

– Положим, ты меня убедил.

Яровой внутренне возликовал. При этом он с некоторой опаской оглядел уютный, почти домашний кабинет Леонида. Логичная мысль о том, что в кабинете должна иметься защита для его хозяина, не приходила ему в голову.

– Я скажу тебе, где Тамара, – сказал Темный со вздохом. – Но я лично пойду с тобой и буду присутствовать при вашем разговоре.

– На здоровье.

– Сейчас и пойдем. Только покушаю сначала.

Андрей схватил его за руку и увлек за собой в коридор.

– Потом покушаешь!

...Тамара Монк уже несколько дней не могла надолго уснуть. Вся ее жизнь превратилась в чередование периодов нервного бодрствования и мучительной полудремы, наполненной странными, пугающими образами. Она встала утром с измятой одинокой постели, в незнакомой красиво обставленной квартире, с неохотой поела что-то на кухне (холодильник был наполнен вкусной и свежей едой), затем в задумчивости села у окна – и ждала. Она могла включить телевизор и смотреть программы, щелкая черной рукояткой рубильника, могла открыть книгу и полистать ее в тишине – книжный шкаф был полон Шолоховым, Хэмингуэем, Толстым, Эренбургом, дореволюционными изданиями Достоевского, Пушкина, Гюго... но информация про-

летала сквозь гулкую пустоту ее сознания, не задерживаясь. Что бы Тамара ни делала в последние пять дней, в действительности она была занята только одним – ожиданием возвращения Миши.

Поначалу, сразу после того, как любезный молодой человек из КГБ привез ее на эту квартиру, она почувствовала себя очень спокойно и уверенно. Тамара плохо запомнила их разговор, но почему-то сразу поверила: теперь все будет хорошо, ей помогут. Надо только ждать. Она все сделала правильно. Теперь все будет так, как нужно, – другие, сильные и смелые люди взялись за это дело...

Но потом исподволь стало возвращаться давящее беспокойство. Его источник она не могла определить. Что-то глубоко в подсознании, неоформленное, смутное. Словно уродливая тень за занавеской в ванной комнате. Тамара вспомнила статью о золотых аквариумных рыбках в Японии, что за несколько часов чувствуют приближение землетрясения и начинают испуганно метаться в воде. «Вот и ты такая же рыбка, – с нервным смешком сказала она себе. – Только землетрясение все время откладывается... Что со мной такое, Господи? Если бы вернулся Миша. О, если бы он вернулся сейчас – все страхи и сомнения были бы позабыты! Как я не ценила его раньше. Порой не слушалась его, такого умного и взрослого, порой пыталась шутить над ним. Посылала бегать за мороженым. Дура, о, какая дура. Теперь я наказана. Теперь я золотая рыбка в ожидании землетрясения... или чего похуже».

Тоска по мужу захватывала ее все сильнее. В те мгновения, когда Тамара соскальзывала в дрему, ей грезилось – она слышит откуда-то из страшного далека голос Миши. Он звал ее и вроде бы просил о помощи, но когда она хотела ответить, пыталась спросить, куда он подевался, – просыпалась. Иногда женщина открывала толстым серебряным ключом скрипучую дверь квартиры, спускалась по широкой, пахнувшей хлоркой лестнице во двор и одиноко бродила по асфальтовым дорожкам. Двор с двух сторон окружали невысокие старые дома, и людей здесь было мало. Тихо шуршал метлой усатый дворник-грузин. Дремали на лавочке у подъезда старушки. Никто не обращал ни малейшего внимания на красивую высокую женщину в элегантном кашемировом пальто. Желтые кленовые листья плыли по лужам у Тамары под ногами. Вчера она вышла на прогулку среди ночи (встречи со злыми людьми она не боялась), и путь ее освещала задумчивая осенняя луна в обрамлении рваных облаков. Огромный равнодушный город спал – лишь где-то вдалеке, во мраке окраинных улочек, она видела мелькание фар идущего в парк троллейбуса.

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
В последний, в случайный.

Последний троллейбус, по улицам мчи,
Верши по бульварам круженье,
Чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
Крушенье, крушенье...

Хотелось уехать далеко-далеко отсюда и там забыть обо всем – но страх не давал сделать даже шаг со двора. Впрочем, после таких прогулок она некоторое время чувствовала себя лучше.

– Я одна на белом свете, – прошептала Тамара, глядя на свое поблекшее отражение в зеркале в прихожей, – одна на белом свете.

Внезапно она повернулась на каблуках – и замерла. В гостиной раздался какой-то звук.

Осторожно, стараясь не скрипнуть половицей, она подошла к двери. Холодея, заглянула за край.

За круглым столом посреди гостиной сидели двое мужчин. Тамара так устала от своих переживаний, что в какой-то момент готова была поклясться – ей показалось, что мужчины появились прямо из ничего.

– Здравствуйте, Тамара, – сказал один из них, – пожалуйста, присядьте с нами.

Она хотела было закричать, позвать на помощь – но тут поняла, что смуглое лицо с тонкими усиками ей знакомо. Это был человек, который доставил ее сюда из общественной приемной КГБ, и его имя...

– Леонид, к вашим услугам, – улыбнулся тот.

– Добрый день, Леонид, – сказала Тамара. КГБ, конечно же. Это многое объясняет, подумала она без всякой иронии. Даже появление двух человек прямо из воздуха в запертой квартире уже не казалось чем-то совсем уж невероятным.

– Этот товарищ хочет поговорить с вами, – сказал Леонид, – если вы, конечно, не возражаете.

– Нет-нет. Слушаю вас, товарищ...

– Здравствуйте, Тамара, – сказал второй мужчина, и его лицо также вдруг показалось ей знакомым. – Вы не помните меня?

Она неуверенно покачала головой: не припоминаю.

– Мы частично заблокировали ее память, – быстро проговорил Леонид, – она не помнит ни встречи с тобой, ни с милицией, ни своей работы, ни даже соседей – на случай если столкнется с ними на улице. Так ей легче.

Женщина не поняла ни слова. Ей показалось, что Леонид говорит на каком-то неизвестном ей языке.

– Тамара, меня зовут Андрей, – мягко проговорил его спутник, – нам нужно еще раз вспомнить в подробностях день, когда исчез ваш муж. Как вы чувствуете себя? Сможете побеседовать?

– Да-да, я... конечно, я смогу... но ведь я уже несколько раз все повторила вашим коллегам...

– Что ты хочешь у нее опять выпрашивать? – начиная раздражаться, спросил Леонид. – Вчера ее уже допросили всеми способами, сканировали сознание, разобрали все воспоминания по матрице. Ты думаешь, мы не умеем работать со свидетелями?

– Значит, что-то упустили, – огрызнулся Яровой, – раз не добились от нее ничего.

Откровенно говоря, он не знал, что конкретно хочет услышать. Но эта женщина была единственным свидетелем, единственным ключом к происходящему.

Тамара лунатично переводила взгляд с одного мужчины на другого – снова их слова потеряли для нее всякий смысл.

– Давайте сначала попьем чаю, – сказал Андрей, – у вас бледный вид, милая.

– Конечно, товарищи. Сейчас я поставлю чайник.

Женщина вышла на кухню. Яровой наблюдал за ней краем глаза. Он видел, как женщина наполнила чайник водой из-под крана, поставила его на плиту... и вдруг тихо осела на пол.

Андрей успел к ней первым. Он не стал сразу приводить женщину в сознание. Сперва он соскользнул в Сумрак и осторожно изучил ее ауру. Аура была серой, почти лишенной жизненных красок... можно подумать, Тамара тяжело больна – однако же нет, физически она абсолютно здорова... хотя постойте. Функции яичников слегка нарушены... Андрей нахмурился. Тут следы работы заклятия, и ясно, что муж о нем знал. Видимо, сам и наложил. Понятно. Значит, детей Михаил Монк заводить не хотел.

Яровой двинулся дальше. Он проводил ладонями по телу, изучая следы многочисленных магических вмешательств. Это с женщиной поработали Темные, понятно. Сканирование сознания. Поиск магических маркеров. Ничего не нашли, да... Ничего интересного нет. Пусто.

Вот у сердца что-то едва уловимое... словно мягкий темно-зеленый свет пульсирует.

– Мерзавец, – сказал он сквозь зубы.

– Что такое? – рядом в Сумраке зашевелилась тень Леонида. Здесь он выглядел иначе – стал выше ростом, руки и ноги вытянулись, налились мускулами. А ведь он не так-то прост. Четвертый или третий уровень, не ниже.

– «Маргаритка». Слышал про такое? – спросил Яровой. – Она привязана к своему мужу, как собачка. Будет теперь сидеть у окна и ждать его, пока не усохнет до смерти.

Издали он мог бы сойти сейчас за хирурга, склонившегося над пациенткой на операционном столе.

– Он же не мог заставить ее полюбить себя, – пожал плечами Леонид.

– Даже не сомневаюсь, что Темных такие вещи не волнуют.

Леонид оставил его реплику без внимания. Андрей вздохнул – он не мог снять «Маргаритку», такое под силу только специально подготовленному магу или тому, кто наложил заклятие. Ладно, сейчас это не главное.

– Идем глубже.

Они нырнули во второй уровень Сумрака. Здесь было очень холодно. Дом над ними исчез – как и весь город. Ледяной ветер неостановимым потоком несея над широкой равниной, усеянной снежной пылью. В клубящемся мраке темнели на горизонте какие-то исполинские тени. Яровой сразу же почувствовал бегущую через кончики пальцев дрожь – Сумрак быстропил его силу, как голодный вампир высасывает кровь. Тело Тамары у него на коленях как будто исчезло, лишь присмотревшись можно было увидеть в темноте неясный контур.

– Ничего. Все чисто, – крикнул сквозь вой ветра Темный.

– Идем на третий уровень, – хрипло сказал Андрей.

– Ты уверен?

Андрей не был уверен. Он был на третьем уровне Сумрака всего дважды, на тренировках, и оба раза рядом был Адам Францевич. Каждый раз такое путешествие длилось не более минуты.

– Я иду, а ты как хочешь, – сказал он одними губами, но его Темный спутник услышал.

Они тяжело провалились на уровень ниже. Здесь было тихо. Очень тихо и холодно, словно в глубоком подвале. Яровой осторожно повернул голову – и увидел поблизости очерченную огнем темную фигуру Леонида. Он походил на факел, который вот-вот задует сильный порыв ветра. «Неужели я тоже сейчас так выгляжу, – отстраненно подумал Андрей. – Это энергия. Она уходит слишком быстро. Зря мы сюда сунулись. Ничего мы не увидим в этом пустом, страшном месте». Где-то вдалеке раздался скрежет, словно поворачивались гигантские жернова. Глухо ухнуло, и почва под ногами слегка дрогнула.

Надо уходить. Тела Тамары здесь вовсе не видно. Да и не может быть видно, смертные существа не бывают на этих уровнях ни при каких обстоятельствах... Мысли текли лениво, будто Андрей плыл по реке сновидения. Надо уходить... бежать отсюда побыстрее...

Какой-то тусклый, едва уловимый отсвет между руками... на том месте, где находилась в иных измерениях голова Тамары. Только сейчас, когда зрение освоилось с этим странным миром, Яровой разглядел его. Почти незаметное серое мерцание. След заклания.

Сухая грудь земли под Андреем ощутимо задрожала эхом шагов – что-то огромное приближалось из мрака. Он огляделся – Леонида уже не было. Коснулся тусклого мерцания пальцами, пытаясь запомнить. И потянулся вверх... вверх...

На втором уровне к нему присоединился Леонид. Он взял Андрея за руку, и тот почувствовал, как в него втекает его сила, поддерживает гаснущее сознание. Нет, хотел крикнуть

он, оттолкнуть врага – но понял, что вот-вот упадет без сил, как зеленый новичок, первый раз заглянувший в Сумрак и пробывший там слишком долго. В глазах потемнело... наверх! Выше!

Он выпал на первый уровень. Отсюда, из последних сил отпихнув в сторону свою тень, вывалился из Сумрака в обыденный мир.

– Как же вы пропустили это? – слабым голосом спросил Андрей, насыпая в чашку горячего чая пятую ложку сахара. – Ты говорил – ее очень хорошо проверяли?

– Мы не пропустили. – Леонид, вынырнувший из Сумрака немного раньше Ярового, выглядел не таким бледным. – Да, это след заклатья. Но оно не дает нам ничего.

– Я не верю.

– Михаил пытался связаться со своей женой по телефону, но, по-видимому, его возможности для общения сильно ограничены. Он не смог ничего сказать.

– И тогда попытался поговорить другим способом.

– Да, магическим способом, – устало кивнул Леонид, – но это был шаг отчаяния. Бедняга уже не контролировал себя.

Андрей с наслаждением отхлебнул обжигающую губы сладкую жидкость, чувствуя, как по телу разливается теплая волна. Взял из коробки на столе конфету, повертел в руках. «Мишка на севере». Хорошее снабжение у Темных.

Скорее всего Леонид прав – Монк попытался установить с женой мысленный контакт на расстоянии, но та, не обладая магическими способностями, не поняла, что происходит, или даже вовсе ничего не почувствовала. А может быть, и не так все было... Что, если... По краю сознания быстрой тенью пробежала мысль, Андрей поймал ее за хвост, медленно повертел, разглядывая со всех сторон.

Посмотрел на Тамару.

Женщина лежала на кушетке, погруженная в искусственный сон. Дыхание ее стало ровным, щеки порозовели. Какую же потрясающе красивую жену себе подобрал этот Монк. А ведь сам, судя по всему, тот еще упырь.

– Нужно разбудить ее и допросить еще раз.

– Она еще и получаса не проспала! – возмутился Леонид.

– Знаю. Но времени остается мало. Потом выпится.

– Андрей, ты и сам не пришел еще в себя после погружения...

– Подожди-ка.

Они склонились над спящей, затаив дыхание. Ресницы женщины затрепетали, глазные яблоки как будто бы перекачивались под веками. Что-то тревожное происходило в ее сне.

– Может быть, обычный кошмар, – неуверенно сказал Леонид.

– В числе прочих возможен и такой вариант.

– Попробуешь опять туда? На третий уровень?

– Сейчас я не готов. Придется ее будить. Сделай, пожалуйста, еще чаю.

В гостинной зажгли теплый электрический свет. Солнечный вечер сентября за окном догорел – и словно кто-то плеснул чернил в колодец двора. Изломанные ветви деревьев печально покачивались на ветру, тихо шелестели листвою. Тамара Монк после сна почувствовала себя лучше. Гости, не слушая ее слабых протестов, заставили женщину поужинать и даже уговорили выпить рюмку армянского коньяка. Тамара, расслабленная и сонная, покорно пила чай – и смотрела в окно на вступающую в права ночь. Да, напряжение ушло, но тоска в глубине сердца никуда не делась.

– Товарищ Монк, давайте еще раз вернемся к тому последнему телефонному разговору с Михаилом, – попросил Андрей.

Она грустно покачала головой:

– Я все уже рассказала вам. И называйте меня, пожалуйста, Тамарой.

Яровой слегка смутился, но продолжил допрос:

– Сколько, по вашим ощущениям, прошло времени между тем моментом, как вы сняли трубку, и тем мгновением, когда связь оборвалась?

– Минута... может быть, две...

– Скажите, пожалуйста, как вы себя чувствовали в этот момент? Я не о ваших эмоциях – они понятны, – но, может быть, почувствовали что-то необычное? Головная боль? Тошнота? Головокружение?

Тамара помолчала, глядя в окно:

– Чудной вопрос. Разве тошноту возможно вызвать посредством телефонного звонка? Нет, пожалуй, ничего такого я не ощутила. Нет, – повторила она уверенно, – не припоминаю.

Мужчины быстро переглянулись.

– А после того звонка, – продолжал Андрей, – вы что-нибудь странное чувствовали? Может быть, какие-то вещи, похожие на...

Он задумался, подбирая слово.

– На чудеса? На мистические явления?

Тамара встала со стула, подошла к Андрею и вдруг опустилась перед ним на колени.

– Скажите, пожалуйста, что происходит? – Глаза ее увлажнились. – Что с Мишей, его арестовали? Он шпион, антисоветчик или украл что-нибудь у государства? Расскажите правду, умоляю вас. Любая правда лучше бесконечной неизвестности.

– Встаньте, встаньте скорей, Тамара, – всплеснул руками Андрей.

– Я сделаю все, что вы попросите. Только заклинаю вас – отправьте меня к нему. В камеру, в лагерь, куда угодно. Без него я не смогу жить.

– В первую очередь – встаньте, пожалуйста, с колен. К сожалению, не в моей власти соединить вас с мужем. Мы с Леонидом и сами очень хотели бы увидеть его.

– Я не встану, пока вы не скажете мне правду, – спокойно сказала Тамара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.